

КОСМОНОРТ

ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ

№. 5(6), 2014

16+

ПОДПИСКА

Беларусь 74908 | Россия 99715
«Почта России»

ИНДЕКС

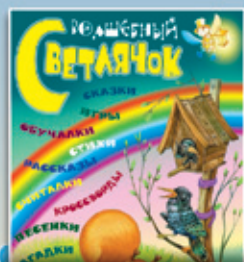
Беларусь 74930 | Россия 11432
«Почта России»

ИНДЕКС

Беларусь 01205 | Россия 83252
«Почта России»

ИНДЕКС

Беларусь 00646 | Россия 99985
«Почта России»

ИНДЕКС

Беларусь 00930

ИНДЕКС

Беларусь 00123 | Россия 99984
«Почта России»

ИНДЕКС

Беларусь 00653 | Россия 99752
«Почта России»

ИНДЕКС

Беларусь 00929

ИНДЕКС

Беларусь 00750 | Россия 10815
«Почта России»

ИНДЕКС

Беларусь 01142 | Россия 99986
«Почта России»

ИНДЕКС

Выпишите для своих
детей и внучат
Мишуткины журналы.
Дети будут рады!

КОСМОПОРТ

ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ

№ 5(6), 2014

Главный редактор:
Михаил Андреевич
ДЕРЕВЯНКО

Заместитель главного редактора:

Сергей БУЛЫГА

Художники:

Ирина ЛАЗЕРКО,

Наталья КЛЕВЦЕВИЧ

Вёрстка, дизайн:

Наталья КЛЕВЦЕВИЧ

Учредитель и издатель:

Частное торговое унитарное
предприятие «Минар»,
г. Минск, ул. Лобанка, 22 - 5Н.

Зарегистрировано
в Министерстве информации РБ
Свидетельство о регистрации
№ 1633 от 20. 06. 2013.

Адрес для переписки: 220082,
РБ, г. Минск, а/я 34. «Космопорт».

Телефон: +375-29-653-22-54.

Эл почта avtor@kosmoport.net

сайт: www.kosmoport.net

Перепечатка материалов
допускается только

с разрешения редакции.

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

Подписано в печать:

30. 04. 2014. Формат 70x100/16.

Офсетная печать. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 5,16. Заказ №

Тираж 5000 экз.

Отпечатано в унитарном
полиграфическом предприятии
«Витебская областная типография».
ЛП № 02330/0494165 от 03. 04. 2009 г.

Ул. Щербакова-Набережная, 4,
г. Витебск

Подписные индексы в Беларуси:
для инд. подписчиков - 74892,
для вед. подписчиков - 74892

© Частное предприятие «Минар», 2014

2 **Александр СИЛЕЦКИЙ «ФИРМА ВЕНИКОВ НЕ
ВЯЖЕТ», «ПРИСТАВАЛА»** — в жизни всегда есть
место необычному

8 **Эзиз ОВЕЗОВ «КРИЗИС»** — в дальний космос с
божьей помощью

14 **Римма КОШУРНИКОВА «ОРФЕЙ И ОРХИДЕЯ»** —
тайна безжизненной планеты

19 **Кристина КАРИМОВА «ФАКТОР ВЛИЯНИЯ»**
— статистике подвластно всё

28 **Максим МИЛОСЕРДОВ «САМОУБИЙЦЫ ПО-
ПАДАЮТ В АД»** — окно с видом на промзону

34 **Станислав ЛЕМ О... «1. БРАТЬЯ СТРУГАЦКИЕ»**
— великий фантаст рассуждает

38 **Станислав ЛЕМ «ТРИ МОИХ ЖЕЛАНИЯ»** — вот
если бы это была не фантастика!..

44 **Александра КОН «ТЭП»** — наша марка — это
наше всё

50 **Евгений ШИКОВ «ДВА ПРОТИВОСТОЯЩИХ
ПАЛЬЦА»** — рассказ ветерана

62 **Валерий ВОРОБЬЁВ «ЩИПАЧ»** — микрофанта-
стика

63 **Евгений ДРОЗД «УШЕЛЬЦЫ, А НЕ ПРИШЕЛЬЦЫ!»**
— так в какую сторону они летят?

Александр Силецкий
Фирма

ВЕНИКОВ НЕ ВЯЖЕТ

Всё же в аккуратности Помпею трудно было отказать. Уж что-что, а вот это...

Он и сам немножечко гордился, зная за собой такое свойство.

Потому он аккуратно и не торопясь закончил начатую фразу, чувствуя заранее, что вышло очень плохо, даже по пути слегка почиркал, подбирая нужные слова, поставил точку, несколько помедлил над исписанной страницей, прочитал готовый текст, отметил про себя особенно дурацкие пассажи, сокрушённо хмыкнул, точку заменил на многоточие, а после взял листок, примерился и — тщательно порвал, клочки швырнув в плетёную корзину на полу.

И так вот продолжалось раз от разу, день за днём: Помпей усердно сочинял страничку, начиная, как ему казалось, сумасшедше-грандиозную, блестящую уто-

пию, и с редкостным упорством тотчас всё уничтожал.

Он видел: получается бездарно, беспросветно скучно, пошло, тривиально — с первых же абзацев.

И ведь что обиднее всего, Помпей отлично представлял, как мог бы написать, но дело не сдвигалось с мёртвой точки.

Он заиклился, и это было ясно.

А в издательстве копытом бьют: ещё немного — и срок договора истекает.

Он такого там наобещал!.. Шедевр, тиражи взметнутся до небес, бестселлер — не иначе.

Очень, очень уповал Помпей на новую свою утопию, и тут, по видимости, главную промашку-то и сделал.

Вряд ли стиль его работы был виной тому.

Писал он только от руки — привык, а переучиваться смысла для себя не видел. Должен быть прямой контакт с бумагой, с текстом, полагал он, вот тогда и выйдет что-то путное. И монитор перед глазами, и клавиатура под рукой — ненатурально, не способны вдохновить.

Как человек, усердно сочиняющий о будущем, техническим новациям в быту он мало доверял. Испытывал к ним стойкую и даже злую неприязнь. Хотя и мог порассуждать о них с друзьями на досуге...

«Я несчастный человек, — подумал с горечью Помпей. — Ведь я — не хуже остальных, определённо. Кто-то там, тупой, косноязычный, никаких усилий приложить не смеет — не дано — и только знай себе строчит. А ты тут мучаешься, бьёшься лбом об стенку... Чёрт бы взял всю эту распроклятую работу! С потрохами. И работу, и меня! Как надоело!..»

И тогда случилось чудо.

Книжный шкаф внезапно покачнулся, дверцы с тихим скрипом растворились, и, держа под мышкой несколько увесистых томов, из шкафа вылез самый натуральный чёрт.

— Я извиняюсь, — произнёс он гадким тенорочком, — но я, кажется, немного

обознался дверью. Вот — книжонки помешали... А мы их сейчас на место! И — порядок.

Надобно сказать, Помпей, как истинный фантаст, был автор прогрессивных взглядов, смело пишущий о разных чудесах, и потому в чертей совсем не верил.

Но — опять же — как фантаст, спокойно пишущий о разных чудесах, в душе он был ко многому готов, и то, что в жизни не могло случиться, для него, по правде говоря, не выглядело вовсе ненормальным.

«Ладно, — только и подумал он, — пусть будет чёрт, в конце концов. И, что бы там ни сочиняли, он для нас — пришелец. А тогда — всё просто!»

— Звали? — ножкой прикрывая дверцы шкафа, хамским тоном начал чёрт.

— Да как сказать...

— Х-м, он ещё юлить тут будет!.. Ну, а то, что чёрт бы взял всю эту распроклятую работу?! С потрохами, кстати. Это — как? Не звали? Ну, гусар!..

— В какой-то мере — да, — признал Помпей. — Немножко поминал...

— И не в какой-то, а буквально, — огрызнулся чёрт. — Работу — вместе с вами. Дескать, забирай, чертяка!.. Не глухой я. Так чего?

Помпей заметил с укоризной:

— Что-то агрессивно вы настроены...

— Делов невпроворот! Зовут кругом, а ты давай — вертись. Совсем осатанел. Работа на измор. Ну, говорите! Времени — в обрез.

— Ишь ты... — Помпей тихонько ус-

Александр Силецкий родился в 1947 году в Москве. Окончил сценарно-киноведческий факультет ВГИКа, работал в редакциях научно-популярных журналов «Земля и Вселенная» и «Наука и религия». С конца 1990-х годов живёт и работает в Минске. Автор большого количества фантастических рассказов и нескольких романов. Первая фантастическая публикация — рассказ «Галактик Шуз из космоса» в журнале «Юный техник» в 1963-м. Ряд рассказов переведен на иностранные языки — как европейские, так и азиатские, в общей сложности — на одиннадцать языков.

мехнулся. — Деловой вы, спасу нет. Раз-раз — и побежали... Так негоже. Если чёрт, то сами знать должны!

— Оно, конечно, — важно почесал под мышкой чёрт, — в какой-то мере мне заранее известно многое... Но вдруг — непредсказуемый нюанс?

— Да нет, — вздохнул Помпей, — всё, в общем, как и было... Не идёт работа, хоть ты тресни!

— Молодец, — одобрил чёрт, — поди, не графоман.

— Ах, что вы понимаете?! — вспылil Помпей.

— Вы только не орите. Я, вестимо, не учёный... Да когда учиться-то — знай успевай исполнить! Никакой системы. Но — нахвтан. И немного представляю... Может, я польстить хотел! — осклабилcя глумливо чёрт.

— Польстить... Ну, не выходит у меня! Какая уж тут лесть?! Пишу, пишу — а всё не то... Вообразить — могу. А вот чтоб воплотилось на бумаге, в тексте, чтоб читали это и мне верили: так только и возможно, так и будет, — нет, не удаётся. Нету слов! А те, что есть, какие-то немые. Точно и ненужные совсем.

— Да, — прошептал, насупясь, чёрт, — а слово ведь — не воробей...

— Ну что за чушь вы говорите! — простонал Помпей.

— Я мыслю, — отозвался чёрт. — Не самая приятная работа. Но — увы!.. Я должен вам помочь.

— Х-м... А с чего бы?

— Вы — позвали, я — пришёл. И, коли уже здесь... Я, кстати, не ко всем хожу, — похвастал чёрт. — Нет, не ко всем. Кто с потрохами мне себя не обещает — тот... дурак. Я с дураками не вожусь.

— Так ведь и я, — смущённо произнёс Помпей, — себя бы не хотел... Работу разве что...

— А будто без своей работы вы кому-нибудь нужны! — хихикнул чёрт. — Мне всё равно: вы сами или ваше дело. Основное — чтобы с потрохами. Тут я к вам —

со всей душой, с моим особенным плези-ром. Значит, штучку сделать надо? Чтобы пропечатали, а после — похвалили?

— Хорошо бы, — робко покивал Помпей.

— А что я с этого имею? — жлобски подбоченясь, наострилcя чёрт.

— Полгонорара! — выпалил Помпей.

— Милейший, вы меня купить хотите? Чёрта?! И какой-то жалкой половиной гонорара?!.

— Батюшки, так что ж вам — целиком? — Помпей невольно ужаснулся.

— Ах, какой вы несерьёзный, — укоризненно заметил чёрт. — А с виду — человек достойный, деловой. Обидно, право же, обидно... Нет! Я что, из ваших денег себе шубу буду шить? Или к кальсонам вырезать лампасы?

— Душу — не отдам, — бледнея, твёрдо объявил Помпей.

— Не надо, — согласился чёрт.

— Так в чём же сделка?

— Очень просто: вы мне — творчество, я вам — успех. И деньги, и почёт. До самой вашей смерти.

— Я не понимаю...

— Да чего тут понимать?! Всё, что способны сотворить, — теперь моё!

— А поконкретней?

— Содержание, почтенный. Я теперь диктую. Ну, и форма — в некотором роде...

— Дьявольская проза... — еле слышно прошептал, зажмурившись, Помпей.

— Нет! Дьявольски хорошая — вот так оно точнее! — возразил ретиво чёрт и погрозил фантасту пальцем.

— Стало быть, печатать будут? — мигом среагировал Помпей.

— Ну, эту вашу штучку — непременно. Фирма веников не вяжет. Уговор такой. Я вам устрою — пальчики облизнешь! Супер будет и атласная закладка. И тираж — чтоб все враги, какие есть, враз подавились. И рецензию — конечно.

— Одной — мало, — скаречно сказал Помпей.

— Ну ладно, будет сотня. Все похвалят.

Я не жадный.

— А потом? Другие вещи? Тоже издадут?

— Не знаю, — искренне развёл руками чёрт. — Их ещё надо написать... Ведь вас интересует эта? Я её пристрою. Но — с разумной компенсацией. Посмотрим!..

— И работа у меня теперь наладится? — спросил с сомнением Помпей.

А сам подумал:

«Ежели и вправду всё смогу закончить, то, ей-богу...»

— Бога, чур, не поминать! — скривился чёрт. — Так что? Договорились? По рукам?

— А... кровь? — припомнив старые обычаи, с волнением подсказал Помпей.

— Ах, бросьте! Эти дикости Средневековья!.. Инквизиция теперь другая... Так что не переживайте: хватит — просто по рукам.

— Ну, что ж... — сказал задумчиво Помпей. — Идёт!

И, как в былые времена на ярмарке, как два торговца, они хлопнули друг друга по рукам.

И ощутил тогда Помпей невиданную дрожь, биенье в теле — будто сквозь него прошёл мощнейший токовый разряд, встряхнувший мозг и затуманивший на миг сознание.

И вслед затем вдруг наступила поразительная ясность, облегчённость — в мыслях и во всём его усталом существе.

— Вы попусту башку не напрягайте, — посоветовал солидно чёрт. — Нет нужных слов — и ладно. Всё равно пишете. Ну, а после... После каждый увидит свой текст и свой смысл. Когда настанет время прочитать... Уж тут не беспокойтесь. Выйдет дьявольская штучка!

— Вам виднее, — с тихой, беззаботной радостью согласно покивал Помпей. — Вы, может быть, и правы. Да, найдут... И всё уразумеют.

— Ну, тогда — приветик! — в свой черёд довольный, отозвался чёрт. — Пошёл я. Дел — невпроворот. Зовут, мерзавцы,

отовсюду! Но я тоже не дурак, я выбираю, чтоб солидно было... Где у вас тут дверь? А то обратно через шкаф — пылица!.. Хоть бы протирали иногда! И помните: слова за вас найдут другие.

Утопию в издательство Помпей представил в срок.

Вещь вышла очень толстая, солидная, бумага — белизны невероятной.

Все в редакции читали и потом, как утверждали очевидцы, очень долго размышляли.

И при этом взгляд у прочитавших становился мудрый, светлый и — на редкость остранённо-добрый...

Да и было, вероятно, отчего!

Воистину роман был дьявольский, иначе не определишь.

Ведь что сказал Помпею чёрт?

«Нет нужных слов — и ладно. А слова найдут другие».

Так Помпей и поступил.

И не было на тысяче страниц ни фразы, ни словечка.

Но каждый, рукопись листая, видел: мир в грядущем будет именно такой — блистательный, прекрасный и — ничем не замутнённый. Чистый-чистый...

Что потом писал Помпей — ей-богу, не известно.

Тихие завистники твердили, будто получил он от издательства заказ писать антиутопию.

Конечно, фирма веников не вяжет, только вот...

Приставала

Ну, до чего бывают надоедливые типы!
Стою я как-то на углу, на остановке, и Загундяева в душе кляню.

Таких начальничков в три шеи надо отовсюду гнать, чтоб не мешали делом заниматься, вечно норовят туману напустить: мол, это сложно, очень непривычно, надо разобраться, кое с кем согласовать...

Вот тут ко мне и прилепился этот... даже и не знаю, как его назвать.

Зануда, словом, приставала — много нынче развелось таких...

Ужасно с ними тяжело.

— Прошу прощения...

Я обернулся:

— Ну?

Что-то было в нём не так... На редкость странный тип, противный...

— Я вас сразу выделил среди других, — негромко, но значительно-проникновенно заявил он и как-то нервно почесал щёку о плечо.

Однако!..

— Ну, спасибо! Прямо осчастливили.

Нет, этот тип определённо раздражал.

Но что же, чёрт возьми, мне в нём не нравилось?

— Спасибо я вам буду говорить. Потом.

— Х-м... Денег, что ли, не хватает? Так я не филантроп. Из принципа.

— Вот это жаль, — с укоризной произнёс тип и шумно втянул носом воздух. — Надо быть душевней...

— Это уж, положим, я и сам решу — что надо... — отчего-то захотелось непременно как-нибудь поддеть его, обидеть: после склоки с Загундяевым я весь кипел от ярости. — Дорогу, может, показать?

— Нет, что вы, я дорогу знаю. Здесь недалеко! — Он торопливо кивнул в сторону дома с аркой, так как обе руки были заняты увесистыми пакетами. — Тут другое... Мне требуется ваша помощь. Всего одна минута!

Ну, ещё бы! Все так говорят. А после...

Я давно уже не благодетель. Разумеется, могу перевести старушку на ту сторону или оделить чужого сигареткой, но всё это мелочи... По мелочам — не жалко.

За ерунду особенно признательны и быстро отстают... Что, в сущности, и нужно...

— Помощь, ишь ты... Без меня, выходит, — ну никак?!

— Совсем никак, — уныло покачал тип головой. — Ваше биополе...

— Что?!

И этот Кашперовских с Глобами наслушался да посмотрелся разных экстрасенсных сериалов! Скоро все уже свихнутся...

— Биополе, — с протяжным вздохом повторил он. — Вы — грандиозный конденсатор. Сгусток энергии, вулкан!.. Потенциал — сказка!

Я остолбенел: о чём он? Что за бред?!

Ну и денёк! Ещё и лезут всякие...

— Послушайте, отстаньте, — попросил я, делая шаг в сторону. — Не до этого... Что вы хотите от меня? Я жду автобус. Тихо, мирно.

— Ждёте... Значит — не спешите, — сделал вывод незнакомец.

— Интересно получается! Спешу — не спешу... Кого это волнует?

— Меня волнует, — нагледя на глазах, сообщил тип. — Вам исключительно нужна разрядка, и не спорьте! — тонким голосом затараторил он. — Так это поправимо! Дело-то минутное... Подсоединю — вжик! — и готово. Вы — спокойны, а мои аккумуляторы — полны.

Ой, как мне сделалось внезапно тошно! Точно зубы разом заболели...

— Какие ещё аккумуляторы?! Где?! — простонал я, свирепея. — Здесь? — легонько постучал я пальцем по лбу. — Припекло?

— Ну, зачем уж сразу так... — угодливо заулыбался тип. — Здесь — всё в порядке. Надо, чтобы аппарат взлетел... Знаете, на волнах гравитации качаться можно очень долго, но вот чтоб сдвинуться... Тут био-реактивная струя-то и нужна! А я иссяк...

Похоже, переутомился. Мне домой пора! Давно пора... Я сразу вас заметил... Вы... Пойдёмте, а?

— Куда?

Я ничего уже не понимал.

Точнее, мысль одна мелькнула, но уж больно мне противно стало, жутковато и противно.

Воспитание не то, не выношу...

А тут ещё — какое-то поганое мерцание в глазах... И этот непотребный тип с пакетами...

Всё, в отпуск — завтра же, к чертям!

Пусть хоть с работы увольняют.

И объяснять не буду никому.

Я тоже переутомился! Не могу!..

— Да тут совсем недалеко! — заискивающе глядя на меня, повторил тип. — Вон — дом. Большой такой... И во дворе... Под арку — и направо...

«Хорошо, хоть во дворе, а не в квартире, не в притоне... — машинально проскочило в голове. — Или он бомж и где-то в подворотне обитает?»

— А потом? — тупо осведомился я.

— Чудак! Не бойтесь, я ведь не кусаюсь... Там он и стоит, мой драндулет. Хотя бы полюбуется немного. Старенький, но — штука! Ну, пошли, а?

С ласковой кроткой улыбкой он вытащил руку из кармана и попытался взять меня за локоть...

И тогда, презревши всякие приличия, я резко отпихнул его и, не оглядываясь, устремился прочь.

Летел, как спринтер при побитии рекорда, и автобуса не надо — только во все стороны, ругаясь и грозя мне кулаком, шараялись прохожие, и всё ещё стоял в ушах печальный крик: «Да погодите! Как же я без вас?!..»

Дома, обессиленный, я принял ванну, вытерся и сразу повалился на диван.

Злость на начальника куда-то испарилась, в душе были прохлада и покой...

Как будто ничего и не случилось...

Да уж, это точно: не хватает нам ни времени, ни места, чтобы двигаться активно,

чтобы получать разрядку, не мешая никому!..

Потом я сел смотреть телевизор, и о минутном, давнем инциденте думать вовсе расхотелось.

Мало ли на свете типов, изнывающих от скуки, одиноких психопатов! Если всех всерьёз воспринимать...

И лишь к полуночи, когда я изготавился лечь спать, меня вдруг осенило.

Я внезапно понял, что меня так неожиданно перепугало в этом чудеке, чем именно он показался странным...

Маленький такой штришок... Рука в кармане... и ещё две — с тяжёлыми пакетами!

У незнакомца было три руки!

Три!

Правда, в остальном всё было, как и у людей. Хотя бы внешне...

М-да... Кто нынче только ни ловчит попасть в столицу, боже ж мой!

Мигранты, блин...

Эзиз Овезов

Кризис

Звездолёт «Нептун» покинул Землю три недели назад. Направлялся он к неизученному сектору. Миссия была обыденна — найти планету с полезными ископаемыми, отметить её на звёздной карте и целиком «переработать». Экипаж традиционно состоял из молодой семьи: папы, мамы и ребёнка.

Даниил, отец семейства, сидел в своём кабинете и делал записи. Постучавшись, к нему вошла Клавдия, молодая жена. Увидев перед мужем бумагу с загогулинами, она кокетливо рассмеялась:

— Ума не приложу, что ты с этими древними бумажками затеял.

— Это исторически полезный материал, — сказал Даниил, — именно с него, между прочим, началась эпоха просвещения.

— Что ты в них записываешь?

— Я веду свой духовный дневник, — ответил Даниил, пряча бумагу и ручку в ящик стола. — Подозреваю, обед подан?

— Капуста с ягодами. Просто объединение.

— Интригующе.

Находясь внутри звездолёта можно было подумать, будто находишься не в открытом космосе, а в уютном коттедже на берегу моря. Если прислушаться, слышно как кричат чайки, шуршат пенистые волны, изредка лают собаки или мяукают кошки. На первом этаже находилась кухня, столовая, тренажёрный зал и бассейн. Верхний этаж занимали две спальни и кабинет. Единственное, что напоминало о космосе, это иллюминаторы, за которыми сияло синее защитное поле.

Супруги спустились в столовую, где их ждал тринадцатилетний сын Лукий. Он стоял у иллюминатора и читал текст на своём наручном компьютере. Наконец семья уселась за накрытым столом. Родители с улыбкой смотрели на сына, так как за ним была очередь произносить молитву. Он сложил ладони, закрыл глаза и начал:

— Бог великого человечества, даровавший нам разум и сердце, обращаемся мы к тебе как рабы. Спасибо за хлеб и овощи, данные тобой, чтобы мы были сыты, спасибо за слово твоё, данное нам для обретения мира и преодоления кризиса. Дай нам силы исполнить наш долг, дай нам мудрость, чтобы долг наш понять. Аминь.

— Превосходно, сын мой, — сказал Даниил с улыбкой, — отличная молитва. Сложно будет найти лучше.

— Ты очень много читаешь, молодец, — с гордостью сказала Клавдия. — В твоём возрасте я знала всего лишь три тысячи молитв, а ты всего за три недели уже выучил тысячу.

Не успела семья взяться за столовые приборы, как включился бортовой компьютер и сообщил, что найдена планета пригодная для «переработки». Спешить никто не стал. Обед прошёл размеренно, Лукий произнёс послеобеденную молитву и только тогда все отправились на мостик.

Звездолёт медленно (для звездолёта) кружил вокруг голубой планеты. Увидев её на экранах, Даниил решил, что на них воспроизводится видео, однако, к его

огромному изумлению, это была картинка в реальном времени.

— Господи Боже, это... — глубже выразить своих эмоций Клавдия не смогла, и просто продолжила всматриваться в изображение до боли знакомой планеты.

— Этого не может быть, — сказал Лукий. — Наверное, это какой-то сбой системы. Может, мы вернулись обратно к Земле?

— Нет, — покачал головой Даниил, — посмотри внимательно на сушу. Тут совсем другие контуры. Тут есть вода, но возможно, это просто кажется водой.

Даниил приказал компьютеру запустить на планету несколько «анализаторов», призванных находить полезные ископаемые. На их работу требовался один час.

Семья опасалась даже предполагать что-то вслух. Целых три века человечество бороздит просторы Вселенной, но никто ещё ни разу не сталкивался с планетой, хоть отдалённо напоминающей Землю. Изучено было свыше тысячей солнечных систем, более пяти тысяч звёзд и четырёх тысяч планет было «переработано» в сырьё, но ни одна из планет не была столь пугающей для жителей Земли.

«Анализаторы» прислали отчёт на бортовой компьютер. Настал момент истины.

— Покажи данные о планете, — дрожащим голосом сказал Даниил.

На экране появились данные. Беглый взгляд, брошенный по цифрам и названиям ископаемых, поразил всю семью.

— Нефть? — прошептал Лукий. — Здесь есть нефть?

— Да, это нефть, — подтвердил Даниил.

— Но как это возможно? — недоумевал сын. — Ведь нефть образуется из останков животных. Если это действительно нефть, то это значит, что на этой планете была жизнь...

— Нет, — прервал Даниил. — Наверняка это нефть появилась на этой планете как-то иначе. Здесь не может быть жизни, ты же знаешь.

— Да, я знаю, но...

Даниил покачал головой и Лукий понял, что лучше сохранять молчание.

— Здесь есть атмосфера, — вдруг сказала Клавдия, внимательно изучавшая данные. — Здесь есть кислород. О Боже, здесь есть растительность!

Этот феноменальный случай несколько дней не давал членам семьи спокойно уснуть. Целыми днями Даниил изучал структуру незнакомой планеты, всё больше изумляясь её сходству с родной Землёй. За пять дней изучения он установил три главных её отличия от Земли: 1) в сутках этой планеты 21 час; 2) сила притяжения на планете заметно ниже Земной; 3) благодаря практически идеально шарообразной форме, ни в одной из частей данной планеты нет холодных зим.

Даниил чувствовал историческую значимость момента и записывал информацию о новой планете на старинных бумагах с помощью старинной шариковой ручки. Постепенно страх перед неизведанным отступал, супруги рассуждали о Божьей воле, о том, что Земля-матушка не вечна, когда-нибудь человечеству придётся сменить место жительства, и вот Бог и припас для них эту колыбель. На всё Всевышний уготовил план. Но более всего семью мучил вопрос — не живёт ли кто на этой планете?

«Никто не живёт, — твердил себе Лукий лёжа в постели. — Бог создал Вселенную на диво человеку, чтобы мы осознали всю мудрость и величие Его, и вот перед нами новое диво, подтверждающее это».

Все эти дни Даниил откладывал послать сообщение в Главный Монастырь. На седьмой день изучения планеты он решил записать видео-обращение, состоящее из тщательно подобранных слов. Оно было полно душевных откровений, рас-

Эзиз Овезов родился в 1995 году в Ашхабаде, Туркмения. В настоящее время живёт и учится в Минске, на втором курсе института журналистики БГУ как иностранный студент. Своих произведений доселе никуда не отправлял, это его первая публикация.

суждений о смысле бытия и Божественном замысле. На отправку сообщения требовался один час, как и на прибытие ответного сообщения. Но ответа не последовало. Даниил отправил сообщение повторно, и снова молчание.

Аппаратура звездолёта в идеальном состоянии, так что причиной молчания она не является. Значит, всё дело в Главном Монастыре. Не приняли ли его там за сумасшедшего? Или, может, это какой-то злой умысел? Множество параноических мыслей роилось в его голове и не сводило с ума только потому, что ему было на что опереться — на веру. И чтобы окончательно развеять все сомнения, Даниил объявил родным, что они должны спуститься на планету.

— Боже сохрани, дорогой! — воскликнула встревоженная Клавдия. — Это не безопасно! Мы ведь не знаем, что там!

— Мы знаем, что на планете есть атмосфера, кислород и растительность. Это самые благоприятные условия для нас. Я уверен, сам Бог ниспослал нам возможность открыть этот новый неизведанный мир. Давай же будем первопроходцами!

Юный Лукий был вдохновлён речью отца.

— Я тоже в этом уверен! — подхватил он. — Мама, перед нами новый мир!

— Может, стоит дождаться ответа из Главного Монастыря? — неуверенно спросила Клавдия, накручивая на палец прядь волос.

— Не знаю, любимая, — опустил голову Даниил. — Кажется, они нас оставили на время.

— Что это должно значить? — удивилась Клавдия.

— Такое ощущение, что они вне досягаемости. Возможно, мы преодолели какой-то барьер, отделяющий одну часть галактики от другой. Ты ведь помнишь, это неизведанный сектор, и это значит, что мы его первооткрыватели. Доселе отсюда связь не устанавливалась.

— Ох, я запуталась! — горько воскликнула Клавдия и заплакала.

Даниил прильнул к ней и заключил в объятия. Лукий помрачнел, и тоже присоединился к родителям, роняя слёзы страха. Наконец все успокоились, набрались смелости и встали на колени. Каждый по очереди стал молиться Богу. Это были не заученные молитвы, а собственные, импровизированные. Моление Даниила было скупым и конкретным, моление Клавдии душевным и горьким, моление Лукия раболепным и исполненным страха.

Надев специальную пожаропрочную и ударостойкую униформу, семья устроилась в шлюпке размером с небольшую комнату. Даниил взял управление на себя и направил шлюпку к планете. Чем ближе они приближались, тем больше находили сходства с родной Землёй. Снизившись над поверхностью, семья наблюдала непроходимые джунгли. Садиться там было небезопасно, и Даниил решил найти более открытую местность. Наконец они пролетели джунгли и оказались над огромным зелёным полем. Даниил посадил шлюпку в полумиле от джунглей, и со вздохом встретил родные взгляды, в которых читался страх.

— Ну что ж, настал момент истины.

По приказу компьютер открыл дверь, и шлюпку заполнил свежий утренний воздух. Начиная с главы семейства, на новую планету впервые ступили люди. Ходить по этой планете было намного легче, чем дома. Казалось, что оттолкнувшись от поверхности, можно улететь прямо в небо. Это придало семье, а особенно Лукию, игривое настроение.

— Пап, можно побегать? — спросил он.

Даниил долго колебался, но всё же дал разрешение. Лукий ринулся вперёд как стрела, чувствуя себя пером, подхваченным ветром. Ноги его едва касались мокрой пушистой травы. Клавдия наклонилась и пощупала почву. Перчатки не дали ей ничего почувствовать, но на вид это был обычный чернозём.

Даниил увидел недалеко от себя какой-то росточек. Подойдя ближе, он обнаружил, что это пучок маленьких белых цве-

тов. Он спросил у наручного компьютера, известен ли ему данный сорт. Компьютер ответил утвердительно, называл цветы «Ромашковыми» и заявил, что на земле такие исчезли в середине XXII века. Уже три века люди не видели таких цветов! И сам Бог послал мне счастье увидеть их сейчас! Даниил наклонился, чтобы понюхать эту утраченную драгоценность, как вдруг услышал вопль сына:

— Папа, поберегись! — кричал мальчуган, указывая за спину отца.

Даниил обернулся и увидел перед собой огромного и совершенно голого мужчину. В нём было почти три метра роста, чёрные густые длинные волосы свисали до колен, а во взгляде читалось пренебрежение, будто ничто вокруг не заслуживало его внимания. Даниил с бешено колотящимся сердцем принялся отступать назад, а инопланетянин стоял, как ни в чём не бывало, с безразличной улыбочкой.

— Боже милостивый, да он же весь нагой! — закричала Клавдия, закрывая глаза.

Инопланетянин, будто поняв в чём дело, начал негромко хихикать.

— Клавдия, тихо! — сказал Даниил, — мы можем его разозлить.

— Я не могу так! — хныча, отвечала жена, не решаясь открыть глаз.

Лукий забежал в шлюпку и забился в угол, трясаясь от страха. Даниил отступил от великана ещё на несколько шагов, и осторожно спросил:

— Вы понимаете?

На вопрос инопланетянин никак не отреагировал, развернулся и медленно начал удаляться в сторону джунглей.

Семья заперлась в шлюпке. Порой то отец, то мать силились что-то сказать, но слова застревали в горле. Лукий заплаканными глазами глядел в пол, стараясь сдерживать новые слёзы. И тут человечество осознало, что есть то, чего Бог им не поведал. Но как Он мог? Почему в Священных Писаниях древности нет упоминаний об этом месте? Почему человек является

любимцем Бога, а не эти трёхметровые создания? Хотя, они видели только одного пришельца. Может, он единственный, и является неким хранителем этой планеты?

Всеми этими мыслями семья пыталась осмыслить только что увиденное, но они не могли мыслить вне рамок своих былых убеждений. Они не могли усомниться в Боге ни на секунду. Только если не считать пары невольных мыслей Лукия, который сразу их отогнал.

В какой-то момент Даниил осознал, что они заперты в шлюпке уже почти полдня. Нужно было что-то предпринять, взять на себя ответственность как глава семьи.

Он видел два выхода. Первый — поддаться трусости и покинуть планету. Второй — выйти обратно и исследовать инопланетян, хотя Даниилу даже не было известно слово «инопланетянин». Это огромное существо было вон из всего выходящее, и Даниил даже в грёзах не представлял себе такое создание. Единственное предположение, мелькавшее в его сознании, было об ангеле. Ведь может же это существо быть ангелом, хоть и без крыльев. К тому же, оно было абсолютно безобидным, так что бояться его не стоило.

— Его не стоит бояться, — сказал Даниил и поглядел в испуганные глаза сына.

— Но кто это? — дрожащим голосом спросил сын.

— Я не знаю, но думаю, что это наш ангел, который защитит нас. — Взвесив своё решение, Даниил обратился к жене: — Мы должны выйти и войти с ними в контакт.

— Даниил... я боюсь...

— Но чего ты боишься?

В мире лишённом войн, голода и нищеты, людям действительно почти нечего было бояться. Даже смерть была не страшна для убеждённых в существовании рая. Единственное, что действительно могло их напугать, так это неизвестность. Но исследователям чуждо бояться неизвестности.

Собравшись с духом, Даниил приказал открыть шлюпку. Дверь распахнулась.

На планете уже постепенно начинало темнеть. Семья снова ступила на поверхность, но на этот раз более подготовленной к встрече с неизведанным.

Они побрели в сторону джунглей. Понятия об оружии земляне уже давно не имели, так что даже если на них и нападут, они не посмеют сопротивляться.

У самого края леса обнаружилась стоптанная босыми ногами тропинка. Семья следовала по ней, внимательно прислушиваясь к звукам. Даниил замер с бешено колотящимся сердцем... И воскликнул:

— Вы слышали? Это же пение птиц!

И сразу же неподалёку промелькнула тень. А затем навстречу семейству вышла трёхметровая голая девушка, с длинными русыми волосами, и с ленивым взглядом принялась рассматривать Даниила, пытавшегося закрыть собой родных. Казалось, одним толчком она могла раскидать всю семью в разные стороны, но никакой агрессии проявлять не стала. Протянув руку, она достала с ветви одного дерева какой-то большой фрукт. Оказалось, что у ног её валялся какой-то свёрток, полный других фруктов. Собирательница положила добычу в свёрток и пошла дальше.

— Господи боже, она ведь совсем нага, — прошептала Клавдия, прикрывая ладонью глаза сына.

— Похоже, их не заботит одежда.

— Значит они не люди! — уверилась Клавдия. — Они какие-то животные.

— Но очень умные животные, — сказал Даниил, вспоминая о свёртке. — Мы пойдём следом за ней.

— Но почему? Это же срам, ходить за такой! — нервно выпалила Клавдия.

— Она же зверь, ты сама сказала. Зверьям чуждо человеческое.

Вдалеке ещё можно было разглядеть русые локоны великанши, и Даниил направился следом. По дороге мать объясняла сыну, что это просто животные, которых не нужно бояться. Они хоть и напоминают людей, но совсем ими не являются.

Догнав великаншу, семья следовала за

ней ещё несколько минут, пока она не привела их в деревню. Крохотное поселение в глубине джунглей, населённое огромными созданиями, походило на первобытное пристанище древних людей.

На планете совсем стемнело, и инопланетяне начали разжигать костры. При виде огня семья испугалась.

— Как это горит? — с изумлением спрашивал Лукий. — Это без электричества, что ли?

— Да, это первобытный огонь, — сказал Даниил.

— Я не могу так просто на это смотреть, — заявила Клавдия. С помощью своего наручного компьютера, она создала огромных размеров одежду, и последовала к первому встречному великану.

Клавдия попыталась жестами объяснить ему, что одежду надо примерить. Великан неожиданно начал смеяться, попивая что-то из кожаного мешочка, видимо, сделанного из маленького зверька. Смех у великана был вполне человеческий, так что Клавдия испугалась пуще прежнего, убеждённая в доступности смеха только для людей. Ведь это Бог подарил людям разум, который определяет, смешно ли данное явление.

Семья всё больше начинала понимать, что существа здесь живущие вполне разумны, но больно уж ленивы. Это заставило Клавдию подумать, что Бог подарил сознание и им, из чего следует, что они тоже способны уверовать в Него. С помощью компьютера она вызвала из воздуха голограмму огромного символа. Символа их веры. Но эта чудо-технология не вызвала в инопланетянах никакой заинтересованности. Разве что один великан слегка задумался, прежде чем пройти сквозь голограмму.

— Похоже, им на всё наплевать, — предположил Даниил.

Семья вернулась на корабль истощённой. Поужинав, Даниил заперся у себя в кабинете и начал записывать в старинные

бумаги свои впечатления о встрече с этими необычными существами. Сомнения не оставалось, они разумны, бесстрашны, физически развиты и могут мастерить. Внешне от людей их отличает только рост, что вполне объясняется свойствами планеты. Можно предположить, что это и есть люди, только на ранней стадии развития.

Заперев бумаги, Даниил отправился в спальню и вскоре заснул, обнятый молодой женой. Сны его были тревожны, храп свиреп, а тело напряжено.

Проснувшись на следующий день, жены рядом с собой он не обнаружил. В жилых комнатах её тоже не было, как, впрочем, и сына. До смерти напуганный, Даниил побежал на мостик, где с ужасом обнаружил родных в объятиях человекоподобных роботов. По их номерам он понял, что роботы принадлежат Главному Монастырю.

— Не пугайся, друг мой, — услышал Даниил за спиной знакомый голос.

Обернувшись, он увидел монаха, благословлявшего его семью на полёт. Звали монаха Стефан. Именно он должен был ответить на их сообщение из Главного Монастыря.

— Что ваши роботы делают с моей семьёй? — испуганно спросил Даниил.

Монах, раскинув полы длинного чёрного плаща, сел в кресло главного помощника капитана и, пристально вглядываясь в Даниила, доверительным тоном сказал:

— Не бойся, семья твоя в полной безопасности. Мои роботы лишь заменят им память.

— Зачем? — удивился Даниил.

— Что ж, если тебе хочется, то я расскажу, в чём дело.

— Будьте добры.

— Ты ведь хорошо осведомлён в истории нашей Земли, — туманно начал Стефан, обратив взор к потолку.

— Все знают историю.

— Значит, для тебя не секрет, что единственная сила поддерживающая человечество, это возникшая в двадцать третьем веке Религия, вобравшая в себя весь преж-

ний человеческий опыт. Раньше Земля делилась на государства, города, континенты. А сейчас мы стали одной большой семьёй, и всё благодаря вере. Мы хотим, чтобы вера эта была вечна, сын мой. Ведь ты помнишь Кризис? Ужасный кризис сотряс человечество. Экономический, духовный, политический, экзистенциальный кризис. Глобальные войны, самоубийства и непрерывный рост технологий грозил коллапсом, и тогда, на самой грани этого коллапса свершилась революция. Духовная революция, принёсшая в сердца радость. Наши дети уже и не знают, что такое жестокость или оружие. Они не знают, что такое голод и грязь. И единственное, что по-прежнему вселяет в людей уверенность, это Религия, по заверениям которой они избраны и любимы Богом.

Стефан остановился, чтобы дать Даниилу подумать. Но и при этом Даниил ничего не мог сообразить. Причём вообще тут была история?

— Эх, — разочарованно вздохнул монах, — жизнь, которую ты нашёл на этой планете, ставит под сомнение уникальность нашего вида. И о существовании этой жизни людям лучше не знать.

— Так вот почему вы изменяете им память? — с прискорбием спросил Даниил.

— Да. Боюсь, это ждёт всех членов семьи Заточников.

Даниил очнулся смотрящим на монитор. Цифры показывали, что планета под кораблём практически полностью разрушена и «переработана». Спустившись на кухню, Даниил увидел жену, готовящую капустный салат.

Делать было нечего, и он решил проверить, как поживают его исторические бумаги, которые он почему-то так и не вытащил из стола. Видимо, слишком заработался, изучая очередную планету, которую потом, как обычно, пустил на «переработку». Но каково же было его удивление, когда он обнаружил эти бумаги исписанными собственной рукой...

Римма Кошурникова
Орфей и орхидея

Человек надел скафандр и привычно оглядел себя. Всё в порядке, можно выходить. Он набрал на щите шлюзовой камеры код — «автомат» — и шагнул на красный песок. Двери камеры бесшумно закрылись за ним.

Человек двигался по маршруту, который проходил каждое утро. Он помнил его наизусть и мог бы повторить с закрытыми глазами. Сто шагов прямо, столько же — влево и дальше — по дуге в сто двадцать градусов с центром на станции. Иногда он шёл в обратном направлении. Но времени это больше не занимало: сорок минут вполне хватало, чтобы обойти все датчики и даже немного задержаться возле них. Другой работы до прилёта экспедиции у него не было. Сорок минут на планете. Сорок из двадцати четырёх часов. Он жил по земному времени и не считал нужным его менять. Остальные двадцать три часа двадцать минут он обязан быть на станции: три отсека с аппаратурой, жилой, грузовой, входной и оранжерея. Сто на сто метров. Это много, когда вас двое, и очень мало, когда ты — один. Один в течение долгих шести месяцев.

Он никогда не думал, что подвержен этому заболеванию с красивым названием «ностальгия», о котором рассказывали ребята-кадровики. Профилактическую программу тренировок он всегда проходил с лёгкостью. И даже сурдобарокамера — древнейший вид испытаний космонавтов, применявшийся на заре освоения чёрной бездны, и один из немногих, сохранившийся с тех времён, не был ему в тягость.

Тишина и одиночество... Одиночество и однообразие... В чужом мире они всегда другие, чем на Земле. Глухое, враждебное, непостижимое безмолвие и бесконечность соединялись в одном коротком слове — НИКОГДА и делали его ёмким, пугающе ошутимым и понятным...

Но человек умел преодолевать слабости, он был опытным «дежурным»: эта станция — пятая в его послужном списке. И ни разу он не покинул пост раньше срока. Товарищи называли его «человеком без нервов», а девушки — «бирюком».

И вот случилось — человек затосковал!..

Это была мучительная, не выразимая определёнными словами боль, постоянно живущая в нём, что бы он ни делал, где бы ни находился: в оранжерее, у приборов, за книгами или шахматами.

Всё началось, когда он получил сообщение, что на Красную планету направлена комплексная экспедиция и среди членов экипажа — она, светловолосая девушка с рыжими смеющимися глазами, биолог из выпускной группы Института космической медицины.

...Они встретились во время работы отборочной комиссии на Красную планету.

Она оказалась единственной девушкой среди претендентов. Помнится, он тогда подумал, что шансов выдержать конкурс у неё маловато. И на месте членов комиссии он бы отказал ей: уж очень невнушительно выглядела она возле могучих атлетов: маленькая, хрупкая, почти прозрачная.

Конечно, её не взяли. Она плакала безутешно, как ребёнок, размазывая по лицу слёзы, а он утешал её. Вернее, стоял рядом, а девушка в перерывах между рыданиями выкрикивала ему в лицо всё, что она думает об этих «крупнокалиберных долдонах» и молотила кулачками его по груди.

А потом она резко прекратила рёв и твёрдо сказала: «Всё равно добьюсь! А теперь пойдём бродить!»

И они отправились... Где только они не были в ту ночь! И она говорила, говорила, смеялась и снова говорила... А он слушал и молчал. Разве можно любовь заточить в слова? А о другом говорить он не мог.

Человек шёл, размеренно вдавливая подошвы в сыпучий песок. Один датчик,

другой, третий... Переставить дорожки, сменить ленту, положить кассету в сумку и — дальше. Простая операция. Движения автоматические, не требующие участия мозга. И он свободен для мыслей, мыслей о корабле, который летит с Земли.

Последнее время он постоянно думал о нём и... боялся. Боялся вновь увидеть её. Боялся прочесть в рыжих глазах равнодушие. Боялся аварии, глупой случайности, в результате которой мог навсегда потерять её...

Песок, песок... Кругом песок... Что делать здесь биологу?

Вот и последний пункт. Дорожка, лента, сумка — всё. Но что это?.. Обрывок ленты? Когда он её выронил? Странно. Лента меняется вместе с кассетой. Человек с трудом нагнулся, разглядывая находку. Нет, это не лента. Тонкие, бледные, иссушенные адской жарой полоски, полусыпанные песком. За шесть месяцев он не видел ничего кроме красного песка. Человек осторожно разгрёб холмик. Растение?!.. Невероятно!.. Первое растение безжизненной планеты?!

Он не раздумывал ни минуты. Выложив кассеты, освободил сумку (за ними придётся вернуться!), достал сапёрную лопатку (давнишняя привычка геолога — всегда иметь при себе, уходя в маршрут), бережно, не спеша, подкопал со всех сторон растение и поместил в сумку.

То, что он сделал — лишить растение естественной среды обитания, не изучив его, было кощунством. С общепринятой точки зрения. Но всегда ли человек руководствуется одним разумом?.. Тем более растение погибало, в этом он не сомневался. Лишь у самого основания, в тёмно-бурых образованиях, напоминающих венозные узлы на больных венах, ему почудилось, теплилась жизнь. И он должен был, во что бы то ни стало сохранить её! Сохранить для той, которая летит сюда. Как учёный он понимал, что не мог бы сделать ей большего подарка, чем этот.

Впервые за много дней человек не чувствовал протяжённости времени. Впервые он спал без сновидений.

— Орфей, Орфей!.. Я — Орхидея. Связь!

— Здесь Орфей. Слышу хорошо. Как дела?

— Порядок. Как у тебя?

— Жду вас.

— Будем через десять суток. До свиданья. Связь по расписанию. Конец.

— Понял. Конец связи.

Теперь вся его жизнь заключалась в этих нескольких бесцветных лепестках, которые он принёс из красной пустыни и поместил в оранжерею под окном.

Он не имел ни малейшего представления, как выхаживать гибнущее растение, тем более с чужой планеты. Нужны ли ему тепло, свет, влага? Когда, сколько? Какие витамины должны присутствовать в почве, минимальный и максимальный циклы растения? Человек не отходил от него, как врач не отходит от постели тяжелобольного.

Временами ему казалось, что растение погибло, и тогда его охватывало отчаяние, и человек опускался на колени, склонялся над ним и шептал нежные, сумасшедшие слова, которые, оказывается, прятались в его сердце. Этот стебелёк должен выжить, обязан! Ради неё! Ради его любви к ней...

И чудо свершилось — растение выжило.

Оно не походило ни на одно земное, известное ему растение. Впрочем, он ни-

---

Римма Кошурникова родилась в 1937-м году в Новосибирске. Закончила радиофизический факультет Томского госуниверситета и Высшие литературные курсы при Литинституте им. А. М. Горького, работала в различных московских журналах и издательствах, в том числе, «Знание-сила», «Клуб и художественная самодельность», «Наши современники», «Славяне», «Колобок», «Малыш», «Педагогика», «Русский язык», «Детская литература» и др. Автор 20 книг для детей, изданных как в России, так и за рубежом (Польша, Румыния). Написано более 15 пьес.

когда не был силён в ботанике, но бурый, змеобразный стебель с чёрными игольчатыми листьями-отростками казался ему прекрасным.

А на шестой день растение зацвело! Огромный снежно-белый красавец с двумя тёмными глазками в центре венчал стебель. Тонкий, едва уловимый аромат поселился в оранжерее.

Весь день человек провёл возле цветка. Весь день приподнятое настроение не покидало его. Человек балагурил, подтрунивал над собой и даже пел! Теперь он не боялся прилёта звездолёта. Теперь он считал дни, часы, минуты, которые осталось прожить без неё. Снова и снова он представлял, как приведёт светловолосую девушку сюда, в оранжерею и подарит цветок. Представлял, как выгнутся дугой тонкие брови и удивлённо округлятся глаза с тем, чтобы в следующее мгновение засиять, как два маленьких солнца. Человек засмеялся. Наверное, так выглядит счастье...

Он назвал цветок — Орхидея, её позывной, — дать имя девушки он не посмел.

На следующее утро человек проснулся с мучительной головной болью. Резкий горьковатый запах миндаля, едва уловимый накануне, заполнил станцию. Дрожали руки и ноги, и любая попытка изменить положение тела вызывала противный приступ тошноты. Это было непривычное и неприятное чувство.

Убрав искусственное затемнение, создающее на станции иллюзию земной ночи, и взглянув на анализатор воздуха, человек понял причину своего недомогания. Прибор бесстрастно фиксировал повышенное содержание угарного газа. Это было ЧП, и теперь он был обязан действовать строго по инструкции: надеть скафандр, включить очистительную установку, перекрыть отсеки герметическими перегородками и немедленно доложить о происшествии на Центральную базу.

С огромным трудом человек дотащился до аппаратной. Ватные ноги отказывались

служить опорой телу. Голова разбухла от боли, и мысли, предоставленные сами себе, натываясь друг на друга, суетливо бились в виски, ища выхода. Только руки что-то включали и выключали, повинувшись механической памяти. Сеанс связи с кораблём должен был состояться во что бы то ни стало.

- Орфей, Орфей!.. Я — Орхидея. Приём.
- Здесь... Приём...
- Помехи... Орфей, как слышишь?
- Порядок.
- Что случилось? Приём!
- Отбой.

В звездолёте царила тревога. Во время последнего сеанса Орфей вёл себя более чем странно. Долго не отзывался, отвечал не по уставу, на минуту раньше закончил сеанс. Все попытки снова связаться со станцией потерпели неудачу. О возможных причинах вслух говорить никто не решался.

Звездолёт совершил посадку в километре от станции. Выждав положенное время, пока проводилась обязательная для таких посещений химико-биологическая обработка корабля и скафандров, люди ступили на Красную планету. Их никто не встречал.

Дверь входного блока распахнулась, как только люди подошли к ней. Тревога росла: режим «автомат» устанавливался только в двух случаях: когда дежурный покидал станцию либо... Ядовито-жёлтый глаз светового табло мигал, предупреждая о химической опасности, но анализатор воздуха был заблокирован, а перегородки между секциями, наоборот, отсутствовали.

Они беспрепятственно прошли всю станцию и нашли Орфея в приборном отсеке лежащим навзничь возле опрокинутого кресла. Ткань скафандра была изъедена какой-то загадочной «молью», защитное стекло шлема продавлено, а лицо почти сплошь покрывали чёрные игольчатые трубки-стручья. Шею Орфея обвивал тонкий бесцветный

змеобразный шнур. Он тянулся к дверной щели, уходил дальше в жилой отсек, а затем — через окно в оранжерею. Его второй конец был зарыт в почву, а рядом распласталось белое студнеобразное существо, напоминающее земную морскую звезду. Два его чёрных глаза были полуприкрыты прозрачной плёнкой, и одного взгляда хватило, чтобы понять, что смерть уже поставила здесь свою отметину...

Люди работали молча и сосредоточенно. Каждый знал своё дело. Через полчаса все собралось в жилом блоке. Светловолосая девушка вошла последней. Она была биологом экспедиции и одновременно выполняла обязанности врача.

— Мы опоздали часов на шесть, — сказала она. — Реанимация бессмысленна. Смерть наступила от удушья.

Вопросов не задавал никто, всё было ясно и так — сделать уже ничего невозможно.

Молчание нарушил командир экспедиции:

— Мы обязаны выяснить причину гибели Орфея. Прошу каждого высказать свои соображения. Кратко.

— Но откуда здесь взялся здесь «шнур»? Или кабель?.. Который его задушил?

— Это не кабель, — глухо произнесла девушка. — Это — растение!

— Твоя шутка неуместна, — командир строго взглянул на молодого биолога.

— Утверждаю, это — растение! — рыжие глаза потемнели от волнения. — Похоже на орхидею, но произошла мутация, и теперь...

— Откуда оно взялось?.. Мы просмотрели все записи в журнале. Там нет даже упоминания о нём!

— Он увлеклся селекционированием? — обратился командир к бортинженеру, давнему товарищу Орфея.

— Бедолага никогда не мог отличить ёлку от сосны! Увы.

— Но Орфей явно ухаживал за... «пришельцем», — заметил астроном экспедиции. — Об этом говорят следы в оранжерее: автополив, подкормка, ультрафиолетовая лампа...

— Угарный газ?.. Это тоже было необходимо, чтобы «пришелец» выжил, — высказал догадку бортинженер. — Вот

почему Орфей заблокировал анализатор воздуха и надел скафандр!

— Но он ему не помог, как вы видели, — усмехнулась девушка.

— Значит, в смерти Орфея повинно растение? — спросил командир.

— Наоборот, Орфей убил его!

Несколько пар мужских глаз обратилось к молодому биологу, и неизвестно, чего в них было больше — удивления или негодования.

— Орфей лишил его естественной среды обитания! Растение мутировало и, когда этот невежда заблокировал своё биополе скафандром, попыталось разрушить преграду! Оно хотело жить! Понимаете? Жить!

— О чём ты говоришь, девочка?! — тихо произнёс астроном, самый пожилой и многоопытный член экспедиции. — Погиб наш товарищ!..

— Он не имел права так поступать!

— Поверь, у него была на то причина, и очень серьёзная, — сказал бортинженер.

— Глупость и безрассудство! И нет ему оправдания! — гневу светловолосого биолога не было предела. — Мы проделали миллиарды километров, дважды пережили метеоритный дождь, едва не стали хвостом кометы... Космос безжизненен. Кроме бактерий и вирусов до сих пор мы ничего не нашли!.. И вот... Впервые!.. Впервые нам так бешено повезло! Растение навсегда потеряно для науки! Навсегда!

— Орфей любил...

— О чём ты говоришь?! Науке нанесён непоправимый ущерб! Будущему нашей цивилизации! Ресурсы Земли почти исчерпаны. Необходимость найти подходящую для жизни планету стала предельно острой. И это — цель всех космических разведок. Всех дальних экспедиций, в нашей, в том числе. Забыли, уважаемые астронавты? И с этой точки зрения, Орфей...

— Замолчи! — тяжёлый кулак бортинженера едва не расколот столешницу. Теперь они стояли друг против друга, как два

врага перед броском, чтобы в следующее мгновение схватиться в рукопашную.

— Оставить! — властный окрик командира остановил непоправимое. — Мы должны восстановить картину трагедии. Понять, что случилось. Оценивать поступки Орфея, тем более... выносить приговор, это не наша прерогатива, — жёстко закончил он, обращаясь прямо к биологу.

— Это непрофессионально! — не сдавалась девушка. — Орфей нарушил Устав косморазведчика! Этому нет оправдания!

— Девочка, — мягко произнёс астрофизик, — бывают ситуации, когда решение приходится принимать вопреки параграфам инструкции. И это может сделать только человек. С его эмоциями, с его чувствами, с тем, что отличает его от неживой и искусственно созданной материи. Да, наша Земля нуждается в новых мирах, мы ищем их долго и тяжело. Но ищем не для мутантов и роботов, а для людей. И если ты этого не поймёшь, боюсь, Космос тебя отвергнет.

Лицо молодого биолога покрылось пятнами. В минуты гнева и сильного волнения рыжие веснушки предательски вылезали из потаённых мест.

— Избавьте меня от прописных истин, — злые слёзы против воли заволокли глаза девушки. — Повторяю: эмоциям в космосе места нет! Любовь и прочие «сопли» надо оставлять на старте! Необходимо ужесточить условия отбора в дальние экспедиции! Чтобы туда попадали более устойчивые психически и психологически кандидаты. И когда мы вернёмся на Землю, я подам рапорт, как врач экспедиции.

— Согласен, — произнёс командир. — Принципы отбора ужесточить необходимо. Случайным людям в дальний Космос вход должен быть закрыт. Буду на этом настаивать.

— И мы поддержим тебя! — почти одновременно произнесли бортинженер и астрофизик.

Кристина Каримова
Фактор влияния

Комната, порог которой переступила Инга, была невелика: две кровати, тумбочки около них, шкаф, разделённый на половинки, весёленькие полузакрытые шторы. Уютно, чисто, мило. А потоки солнца, бьющие из окна, наполняли пространство таким неудержимым светом, что, казалось, жить бы да радоваться. Только на душе было совсем не так радужно. «Ничего, — постаралась Инга успокоить себя и присела на ближайшую кровать. — Может, ещё обойдётся...» Обвела помещение тоскливым взглядом. Неужели ей придётся провести здесь целый год?

В дверь стукнули и тут же, не дожидаясь ответа, распахнули её. На пороге стояла девушка. Кругленькая, пухленькая, румяная.

— О, привет! — воскликнула пышечка, увидев Ингу. — А я думала, что первая буду. Меня Кристей зовут. Кристина полное, но я так не люблю.

— Я — Инга, — вежливо представилась Инга.

— Ну что тут у нас? — Кристя хозяйски прошла по комнате, распахнула дверцы шкафа, пробормотала. — Тесновато, однако... — обернулась к Инге. — Ты кровать уже выбрала? Тогда я половинку шкафа выбираю. Чур, моя правая — здесь полоч больше.

— Конечно, — кивнула Инга, которой было всё равно. — Бери какую хочешь.

— Так, а чего снаружи... — Кристя прошествовала к окну, решительно раздёрнула шторы. — То ли лес, то ли парк. Гуля-я-ять будем! Воздухом надышимся! Здесь — не то, что в городе.

Она обернулась за подтверждением к Инге, увидела опущенные плечи, затравленный взгляд.

— Э-э-э, соседка! Ты чего смурная такая? Не кисни! Жизнь прекрасна! По горо-

ду скучаешь что ли? Так ничто не вечно: отбарабаним годик, а там — свобода!

— Я не хочу рожать! — выпалила вдруг Инга.

— Да? — Криста философски пожала плечами. — Ну, так кто хочет? А чего поделаешь-то, коли детналог? Ну, не кукусь, может, ещё белый билет получишь...

Инга только вздохнула: она очень надеялась на это же.

В дверь постучали.

— Заходите! — крикнула Криста. — Не заперто!

Дверь распахнулась: на пороге стоял парень. Крепкий торс, тёмные волосы, яркие чёрные глаза.

— Девочки, к вам можно?

— О-бана! — воскликнула Криста, беззастенчиво — с ног до головы — оглядывая гостя. — Нефига себе, какие здесь экземпляры имеются! Ты к нам на развод что ли?

— Нет, я с вашими вещами, — чуть улыбнулся парень, кивая на две сумки, стоящие у ног. — Меня Денис зовут.

Легко подхватил объёмные баулы, внёс в комнату. Спросил, оглядываясь:

— Куда?

— Та, что побольше — мне, — решительно распорядилась Криста. А поменьше — туда.

Она кивнула на сидящую Ингу.

Парень поставил толстую Кристину сумку рядом с её кроватью.

— Ай, молодца! — мельком похвалила девушка и, тут же, расстегнув крышку, начала извлекать на свет пожитки. — Хоть переодеться с дороги...

Кристина Каримова родилась в 1974 году в г. Кирове (Россия). Два высших образования: гуманитарное и экономическое. Больше пятнадцати лет работала преподавателем. В настоящее время коммерческий директор туристической компании. Хобби — путешествия, поездки, новые места и люди. Девиз: жить должно быть интересно. Писать начала в 2011 году. К настоящему моменту имеется более 30 публикаций в сборниках и журналах.

Парень, между тем, подошёл к Инге, нагнулся, опуская сумку на пол. Крепкая спина, рельеф мышц на руках... «Не качок, но чем-то явно занимается...» — подумала Инга машинально. Будь она на гражданке, он бы ей понравился. Но здесь, сейчас, в ожидании приговора... Она судорожно вздохнула.

Парень разогнулся и встретился взглядом с Ингой. Губы его дрогнули, готовые сложиться в улыбку, но Инга отвернулась: неужели непонятно, что ей совсем не до общения?

Парень вздохнул, шагнул к двери. Произнёс, ни к кому конкретно не обращаясь:

— До свидания, девушки.

— Иди-иди, лапочка... — весело помачала ему рукой Криста. — Попозже встретимся.

Инга даже не повернула головы, хотя видела краем глаза, как он выходит.

— Ишь, ходят тут всякие... — ворчливо забормотала Криста, подхватывая с кровати ворох одежды и водворяя его в шкаф. — Смущают наши души... И как только таких красавчиков сюда пушают?... А нам, между прочим, несколько месяцев целибата предстоит.

— Он что, тебе приглянулся? — спросила Инга. Следовало налаживать отношения: если её всё-таки признают годной — тьфу-тьфу-тьфу! — то жить с соседкой предстоит долго.

— Да не-е-е... — отмахнулась Криста. — Не люблю таких смазливеньких, они привыкли, что вокруг них девки вьются, в постели — лентяи, по жизни — пальцы гнут... Мне бы кого попроще... — мечтательно протянула она.

Инга пожала плечами: ей не показалось, что парень гнул пальцы. Вроде, милый такой... «А что он тут делает? — спохватилась она вдруг. — Чего парень призывного возраста делает в женском родильном доме?»

— Альтернативщик, наверное, — продолжала, между тем, Криста, по-хозяйски размещающая вещи на полках. — В армию не

взяли — вот и проходит здесь альтернативную службу. Их же на самую грязную работу бросают — санитарями, ассенизаторами. Да-а-а... Сочувствую я ему. По-выносит здесь кровавые тряпки, да узнает, откуда младенцы вылазят, так, глядишь, когда на гражданку вернётся, на девок больше смотреть не сможет. Интересно, как это он, такой бугай, в альтернативщики попал?

Инга только вздохнула. Если бы ей выпала такая удача — предложение альтернативной службы — она бы согласилась на что угодно: хоть горшки за стариками выносить, хоть землю копать. Даже нянкой в Дом младенца, хотя это, конечно, противнее всего: вопящие человеческие детёныши, мокрые, сопливые... Но это, хотя бы, не вынашивать и не рожать! Как можно спокойно терпеть, когда в тебе сидит нечто живое и пользуется твоим телом, как кормушкой?

Из докладной записки Марты Линдос, консультанта Президента по вопросам репродукции: «...демографическая ситуация в стране, в конце XX века характеризующаяся одновременным падением рождаемости и ростом смертности населения, в начале XXI века пришла в катастрофическое состояние. Развитие ювенальной юстиции, повышение индивидуалистических настроений в среде молодёжи привели к распаду института семьи (брака), и лавинообразному распространению идей движения чайлдфри. За очень короткий срок (10 — 15 лет) бездетность стала нормой. Коэффициент рождаемости, составляющий в 1930 году 8,6 ребёнка на одну женщину, в 2030 году упал до 0,02. Сложившееся положение требовало от государства введения жёстких мер коррекции...»

— Ну как тебе первый день? — Криста сидела с ногами на кровати, забрасывала в рот орешки из пакета и краем глаза косилась во включённый стереовизор: шла какая-то очередная лабуда из разряда реалити-шоу.

— Нормально, — вяло пожалала плечами Инга.

— Доктор этот, ведущий наш... ну, с бодродой который, — продолжала Криста. — На козла похож.

Она скорчила рожу, выкатила глаза и мелко-мелко затрясла подбородком. Инга невесело улыбнулась — было действительно похоже.

— А психотерапевтиха — Марта Степановна — крутая! — сообщила Криста, закидывая очередной орех в рот. — И чего, интересно, она делает в этой дыре?

Сегодня на собрании, где будущие роженицы встретились с врачами и кураторами, им сообщили распорядок дня, высказали требования, велели строго соблюдать диету. Но Кристе, похоже, было на это наплевать и она, словно громадная белка, щёлкала заранее припасённые «на воле», как она сказала, орешки.

— Да? — равнодушно произнесла Инга только чтобы хоть что-то сказать. — А чего в ней крутого?

— Да ты что! — вскинулась Криста. — Не узнала?! Да её же в новостях день через день показывают! Консультант Президента по вопросам репродукции!

— А-а-а... — протянула Инга. — Да, кажется... Что-то такое видела.

Она лежала поверх покрывала, закинув руки за голову. Первый день прошёл. Завтра начнут брать анализы, через неделю вынесут вердикт: годна или белый билет. «Господи! — вдруг мысленно взмолилась она, хотя никогда не была верующей. — Господи, пусть меня комиссуют!»

Из докладной записки Марты Линдос: «...в связи с вышеописанной критической

ситуацией, с целью улучшения демографической обстановки в стране был разработан и внедрён закон «О материнской обязанности и детналоге». Основу закона составило требование: «Каждая женщина в возрасте с 17 до 25 лет обязана явиться в Центр репродукции по месту жительства и реализовать свою репродуктивную функцию, осуществив рождение хотя бы одного ребёнка — выплатить детналог...»

— Годна, — сообщил доктор. Бросил инструменты в кювету, кивнул Инге. — Противозачаточную блокировку я снял, так что все половые связи для вас с этого момента — табу. Поднимайтесь.

Шагнул к раковине, зашумела вода.

Инга, лежащая в гинекологическом кресле, с ужасом подняла побледневшее лицо: всё? Решение принято? Отсрочки не будет? Как же так?! Она надеялась... Неужели ей придется рожать?!

— Доктор, а... точно? — дрожащим голосом обратилась она к спине в белом халате. — Может, альтернативка?

— Не вижу оснований, — доктор даже не обернулся, продолжая мыть руки. — У вас всё в порядке, к деторождению пригодны.

— Но...

— Что «но»? — доктор тщательно вытер руки, бросил бумажное полотенце в урну. Строго посмотрел на Ингу. — Чего вы лежите? Поднимайтесь.

Инга на дрожащих ногах сползла вниз, шагнула к оставленному на кушетке халату.

— И не надо бояться, ничего в этом страшного нет. Нормальный физиологический процесс, — назидательно сообщил доктор, строго глядя на Ингу. — Подготовка займёт недели три-четыре. Потом подсадка эмбриона. Если всё с первого раза пройдёт успешно, то через девять месяцев для вас всё уже закончится. Не такой уж

это и срок. Вон, парни служат два года — и ничего. А вам девяти месяцев для общества жалко. А в армии, между прочим, ещё и стреляют. А у вас, девиц, здесь лафа — лежи, отдыхай. Кормят, поят — сидите на всём готовом. О-о-о! Ну что за слёзы! — доктор возвысил голос, увидев, что глаза Инги подозрительно поблёскивают. — Не надо мне тут разводить сырость. Идите к себе и успокойтесь. Не вы первая, не вы последняя. Идите!

Инга выскочила из кабинета и, не разбирая дороги, почти бегом двинулась по бесконечному коридору Цента репродукции. Белые двери, люди, бросающие на неё удивлённые взгляды, кабинеты, кабинеты... Пожалуйста, какой-нибудь закуток, где можно было бы спокойно выплакаться!

— Привет! — очередной встречный, вместо того, чтобы посторониться, вдруг заступил ей дорогу.

Она попыталась увильнуть, но её поймали за плечи.

— Не узнаёшь меня?

Инга вскинула наполненные влагой глаза, картинка мира двоилась и расплывалась. Потому казалось, что у парня, держащего её за локти, четыре глаза.

— О! Да ты плачешь?! — воскликнул он удивлённо. — Пойдём-ка со мной.

Он приобнял её за плечи, распахнул ближайшую дверь и втянул туда Ингу. Комнатка была малюсенькой. По стенам стояли стеллажи, наполненные белым — то

ли полотенцами, то ли простынями, то ли халатами.

— Ну вот, здесь никто не увидит... А я — не считается. Что у тебя случилось? — он заглянул в глаза.

Инга рванулась, пытаясь вырваться из рук непрошенного помощника.

— Тише, тише!.. — он обнял её, прижал к себе. — Тише! Что я могу для тебя сделать?

Инга изо всех сил упёрлась в его грудь ладонями: то, что случилось безнадежно! Никто ей не может помочь!

— Не надо, не надо... — зашептал он прямо ей в макушку, не выпуская, а только крепче прижимая её к себе. — Всё образуется, всё наладится...

Он обнимал, успокаивал, уговаривал и тесная кладовка, полная белых вещей, кружилась вокруг...

Из докладной записки Марты Линдос: «...В соответствии с законом «О материнской обязанности и детналоге» в случае невозможности для женщины выполнить гражданский долг по независящим от неё причинам (состояние здоровья), она направляется на альтернативную службу, заключающуюся в выполнении полезных для общества работ...»

— А почему ты попал на альтернативку? — спросила Инга Дениса в очередную встречу.

Они сидели на поляне неподалёку от здания Центра, выбрав место так, чтобы зелёная стена деревьев и густого кустарника надёжно укрывала их от посторонних глаз, и, в то же время, чтобы Денис мог быстро вернуться, если его неожиданно вызовут.

— Знаешь, давай оставим это, — лицо парня потемнело. — Я всё равно добьюсь, чтобы меня признали годным. Я хочу отслужить.

— Зачем? — удивилась Инга. — На контракт что ли хочешь пойти? Деньги нужны?

— Да нет, с ними у меня всё в порядке, — он улыбнулся. — Просто я считаю, что каждый должен делать то, что должен. Поэтому я обязательно пойду в армию.

Инга смотрела на него во все глаза: откуда он такой взялся? Среди её приятелей не было никого, кто стремился бы служить. Ну, вернее, были — Артём, Максим, ещё кто-то — но они сразу собирались после службы остаться по контракту. Заработать денег, начать своё дело. А просто так, из чувства долга? «Девушки, юноши! Ваша служба — это долг Родине! Отдавая его...» — слова из последней речи Президента. Какая Родина? Какой долг? Что они занимали у этой самой Родины? Да любой из Ингиных

приятелей до потолка бы прыгал на месте Дениса. А он хочет добиться, чтобы его признали годным... «А-а-а! — осенила её догадка. — Это всё из-за места отработки альтернативки! Ну, конечно, тут не каждый выдержит!»

— Тебе неприятно здесь работать? — полуутвердительно произнесла Инга. — Рожаящие женщины... Оружие младенцы... Такая гадость, да?

— Ну что ты! — лицо Денис вдруг озарила смущённая улыбка. — Ты знаешь... Это, конечно, неожиданно, но, выяснилось, что я мелких люблю...

— Лю-ю-юбишь? Вот ерунда-то!

— Нет, правда. Они такие... — Денис помолчал, подбирая слово. — Маленькие... И я могу их защитить. Это здорово! А вот не попал бы сюда, так бы и не узнал...

— А я... — Ингу вдруг прорвало. — Я ненавижу детей! Я не хочу рожать! Это ужасно! Это неестественно! Ненормально! В тебя кто-то сидит, растёт — внутри тебя. Шевелиться! А потом — кровь, грязь — роды! Я не хочу!!!

— Да?.. — Денис, кажется, чуть удивился. — А я бы хотел иметь своего малыша... Моего собственного, а не общественного. Его можно было бы растить, воспитывать...

— Вот тебе и надо было родиться женщиной! — в запальчивости воскликнула Инга.

— Ну да, — кивнул Денис и шевельнул крепким плечом. — А получилось — мужиком. Знаешь, — он вдруг понизил голос, будто собираясь сообщить о чём-то интимном. — Я так жалею, что сейчас нет семей! Раньше женщины рожали и растили детей вместе с женщиной — отцом. Я бы хотел быть отцом и видеть, как растёт мой ребёнок.

Инга смотрела на него, разинув рот: да он просто ненормальный!

Запищал коммуникатор. Денис встрепнулся, кинул взгляд на экран.

— Прости, вызывают, — сообщил Инге. — Увидимся позже. И не грусти; я реально завидую: у тебя будет свой малыш...

Он дружески кивнул и быстрым шагом двинулся прочь.

Инга потрясённо смотрела ему вслед. Это... Это не парень! Это чудо природы какое-то! Так не бывает! Он хочет растить ребёнка! Бр-р-р! Это же время, силы. Зачем это надо? И тут же из памяти всплыли смутные детские воспоминания: стол, высвеченный тёплой жёлтой лампой, смеющаяся мама, обнимающий её отец и она, Инга, возмущённо лезущая под сцепленные руки: «А я?!.. А меня?!» Семья... Она сама родилась ещё в семье. Но, благодаря ювенальной юстиции, смогла уйти от родителей в одиннадцать лет. А сейчас семей практически нет. Ну, есть, но только как остаточное явление. Она всегда считала, что семьями живут какие-то уж совсем затюханные идиоты. С отклонениями в развитии. А вот Денис думает, что семья — это хорошо... Семья, младенцы... Ну уж нет! Младенцы — это миллион раз бр-р-р! Младенцы — точно гадость! Или... Или нет?

Она тряхнула головой, прогоняя странные мысли, смахнула с халата налипшие травинки и неторопливо побрела обратно к Центру репродукции.

*Из докладной записки Марты Линдос:
«Самовольное уклонение женщины от*

детналога при отсутствии медицинских показаний для этого, наказывается лишением свободы на срок от пяти до пятнадцати лет. Уклонение от прохождения альтернативной гражданской службы лиц, освобождённых от детналога, наказывается лишением свободы на срок от трёх до пяти лет...»

— Вам говорили избегать половых контактов?! Вас предупреждали?! — доктор был зол, и его обрюзгшие щёки при каждом выкрике тряслись, будто желе. Так же мелко тряслась и козлиная борода. — Что вы себе позволяете?! Как вы посмели забеременеть? Без санкции? Без проверки? Неизвестно от кого! Вы не на прогулке и не на вечеринке! На вас громадная ответственность! Вы завели внепланового ребёнка! Ладно бы это было до поступления в Центр, но здесь!.. Здесь, когда вам всё было сказано!..

Он кричал, брызжа слюной, а Инга почему-то казалось, что всё это не настоящее. Весь его крик, гнев — это спектакль. Инсценировка одного актёра. Зачем, почему? Она сидела молча, стиснув зубы, и ждала. Наконец, доктор выдохся. Подскочил к кулеру, налил воды.

— Что сейчас будет? — спросила Инга.

Доктор резко поставил стакан на стол, вода плеснулась, но не пролилась.

— Что сейчас будет?! — он набрал воздуха, видимо, собираясь продолжать, но вдруг почему-то передумал и резко выдохнул. Произнёс утомлённо. — Проведём исследование эмбриона. Если отклонений нет, то после родов ребёнок будет зачтён вам в качестве детналога. Если нет, если плод окажется генетически неполноценным, то проведём чистку. Материалы дела передадим в прокуратуру. Уголовную ответственность за уклонение от детналога ещё никто не отменял.

Пока шли анализы, пока ожидался результат, Инга избегала Дениса. По ночам

почти не спала — ей снились всякие ужасы: про него, про ребёнка...

А потом снова был стерильный кабинет и доктор с козлиной бородкой. Выходя от него, Инга улыбалась: ребёнок будет! И уже можно рассказать об этом Денису. Как он будет рад! Инга мечтательно прищурилась, представив его лицо... И тут же была схвачена запыхавшейся Кристей.

— Инга?! — возмущённая соседка с силой затрясла её за плечи. — Где ты шархаешься?! Беги скорее, твой дружок уезжает!

— Как уезжает? Куда?! — кровь разом отхлынула от Ингиных щёк.

— Куда-куда — куда пошлют! Бумага ему пришла — признали годным. Уходит на службу, в армию. За ним машина уже пришла... Беги, скорее, может, успеешь!

Инга оттолкнула Кристу, помчалась по коридору. Она опоздала совсем чуть-чуть: широкая корма чёрного массивного автомобиля мелькнула в распахнутых воротах и исчезла, отсекаемая закрывающимися створками.

Из докладной записки Марты Линдос: «Согласно закону «О материнской обязанности и детналоге» женщина, выполнив гражданский долг, (в случае соответствующего состояния здоровья и рекомендации врачей), может заключить индивидуальный контракт на дополнительное воспроизводство.

Рождённые дети (как по детналогу, так и на контрактной основе) в соответствии с пожеланиями женщины, могут быть переданы под опеку государства или оставлены на её собственное попечение...»

— Ну что? Отстрелялись? — Криста, полусидела в постели, подложив под спину подушку, и за обе щеки уплетала при-

несённый обед. — А что, всё не так уж и страшно. Анестезийка хорошая, ничего не чувствуешь. Вообще милое дело. Знаешь, я решила, пожалуй, на контракт пойду. Рожу ещё одного. Или двоих. А что, запросто! Потеря-то всего два года, а денежка никогда не лишняя. Бизнес свой открою... Модельный...

Криста мечтательно завела глаза к небу, Ивга на соседней постели улыбнулась. Опавший живот, тяжесть которого приходилось таскать на протяжении последних месяцев беременности, давал ощущение лёгкости и свободы.

— А что? Представляешь, приходишь ты мне так через два годика, вся такая из себя дамочка, — Криста сложила губы бантиком и захлопала ресницами. — Заходишь, такая, говоришь: «Это салон известного модельера Кристины Крым?» — Криста пропищала это тонким голосом, имитируя выговор, который по её мнению полагался благовоспитанной дамочке, попавшей в дорогой салон. — А там, представляешь, менеджеры в костюмах-тройках, закройщицы в белых фартучках, швеи на такущих каблуках, — она показала, на каких. — Ну вот... А тебе отвечают: «Да, правильно. Это салон ЛУЧШЕГО модельера Кристины Крым!» А? Каково? Так что смотри, выйдешь на свободу — не забывай соседку по палате.

Инга рассмеялась. Криста подмигнула и сунула очередную ложку в рот.

— Ладно, не забуду, — кивнула Инга, улыбаясь. — Слушай, а забирать?.. Будешь забирать?

— Забирать? — опешила Криста и даже перестала жевать. — Ребёнка?! С чего бы это? Ну уж нет! Этой радости мне не надо! Коли государству эти младенцы нужны, так пусть оно и заботится. Чего ради мне мучиться?

— Ну... Всё-таки... Так долго были вместе...

Инга вспомнила, как впервые почувствовала движение своего малыша. Жаль, что рядом не было Дениса...

— Эй, подруга! Уж не хочешь ли ты сказать, что собираешься своего забрать?!

Ответить Инга не успела: распахнулась дверь и в комнату вошла медсестра. Обвела палату внимательным взглядом, недобро поморщилась, увидев кучу сваленных вещей на тумбочке Кристины.

— Я уберу, уберу!.. — быстро закивала та, не дожидаясь нагоняя.

— Девушки, кто из вас Инга Перминова? — не отвечая на порыв Кристины, строго спросила медсестра.

— Я... — у Инги неизвестно почему перехватило дыхание и ёкнуло сердце. Она отставила тарелку.

— Я сожалею, но у меня не очень хорошие вести...

— Ребёнок? — ахнула Инга. — Что?! Что с ним?

— Ребёнок? Причём тут ребёнок? — удивлённо вскинула брови медсестра.

Инга судорожно перевела дыхание: что бы там ни было, всё остальное не так страшно.

— Знакомы ли вы с молодым человеком по имени Денис Донцов? Он указал вас в анкете. Как человека, которому следует обращаться в случае...

— Да, — перебила её Инга. — Да, я знаю Дениса. Что с ним?

Весь год они активно общались: письма, сообщения. Его год службы должен закончиться через две недели — ему зачли в срок альтернативную службу. А её обещали выписать через два дня. Они договорились встретиться. И он так мечтал увидеть малыша. Сына.

— Я сожалею, — произнесла медсестра чопорно. — Но Денис Донцов погиб, выполняя свой долг.

— Что?! — Инга почувствовала, как кровь отливает от лица. — Не может быть! Мы с ним говорили ещё утром!

Медсестра, изображая сочувствие, поджала напомаженные губы:

— К сожалению, это точно. Мы отправили запрос в его часть, ошибки быть не может. Трагическое стечение обстоятельств.

Комната вместе с женщиной в белом халате, застывшей с недонесённой до рта ложкой Кристиной, шкафом и окном с лежащими занавесками закружилась, поплыла.

— Девушка? Девушка?! Что с вами?! Вам плохо?!

Инга почувствовала, что падает, и наступила тьма.

Из докладной записки Марты Линдос: «Введение закона «О материнской обязанности и детналоге» позволило сначала стабилизировать, а потом и улучшить демографическую обстановку в стране. Так за период 2030—2036 годы удалось увеличить объёмы рождаемости с 0,02 до 1,6 ребёнка в расчёте на одну женщину.

Что касается попечительства, то число женщин, желающих воспользоваться правом оставить ребёнка на собственное попечение, по-прежнему составляет ничтожно малый процент...»

— Согласно медицинской документации, с вами всё в норме. Разрешение на выписку вам подписано. И ещё один вопрос. Формальный, я так полагаю. Хотите ли вы забрать ребёнка или оставить на попечение общества?

Администраторша отдела выписки была толстая, оплывшая. Она работала здесь много лет, и молодые женщины, уходящие из Центра, были ей глубоко безразличны. Она говорила скучным голосом и, заполняя карту, ни единожды не подняла на Ингу глаз. Вот и сейчас, даже не дождавшись ответа, она уже привычно выбивала на клавиатуре: «Попечение общества».

— Я заберу его, — сообщила Инга.

— Что? — руки женщины зависли над клавишами, а сама она поражённо уставилась на девушку.

— Я. Хочу. Забрать сына, — чётко выговаривая слова, повторила Инга.

— Но... — администраторша даже не пыталась скрыть, что шокирована. — Но понимаете ли вы, на что идёте? Вам придётся растить его, воспитывать... Это не меньше пятнадцати-двадцати лет. Вы собираетесь это делать?

— Да, — Инга твёрдо смотрела в удивлённо выпученные глаза женщины. — Я хочу сама растить и воспитывать его.

— Э-э-э... А материально? Как вы будете жить материально? Государство, конечно, выделит субсидию, но всё равно...

— Ничего, я справлюсь, — произнесла Инга.

— Ну, девушка!.. — женщина поражённо покрутила головой. — Я, конечно, не должна отговаривать... Наоборот. Но чисто по человечески...

— Всё будет хорошо! — прервала её Инга, убеждая то ли себя, то ли её, то ли весь мир вокруг.

— Что ж, искренне желаю вам удачи! — администраторша положила руки на клавиатуру, всё ещё сомневаясь, переспросила: — Так значит, пишу: «Попечение матери»?

— Да, — кивнула Инга.

Защёлкали клавиши, выводя на экране нужные слова, и Марта, наблюдающая за сценой через скрытые в комнате камеры, удовлетворённо поставила в тетради жирный плюс.

«Введение закона «О материнской обязанности и детналоге» привело к увеличению рождаемости и, соответственно, к большим расходам, связанным с выращиванием и воспитанием оставленных на попечение общества младенцев. Потому было бы желательно сформировать у женщин предпочтение забирать рождённых детей, а не перекладывать заботу о них на государство.»

В процессе экспериментального исследования было выявлено, что одним из наиболее важных факторов, оказывающих

влияние на принятие женщиной соответствующего решения, является её эмоциональная привязанность к отцу ребёнка. Поэтому, основываясь на полученных данных, в первую очередь рекомендую ориентировать социальную политику государства на пропаганду прочных партнёрских связей в среде молодёжи, а впоследствии — на возрождение института семьи и брака...»

Марта остановилась, задумавшись над формулировкой. Потёрла уставшие от долгого сидения перед монитором глаза. Окинула рассеянным взглядом набранный текст. Уже почти всё готово, осталось совсем чуть-чуть. Главное — хороший экспериментальный материал собран. Повезло ей с помощником. Она нажала кнопку селектора:

— Зайдите ко мне, пожалуйста.

— Сейчас буду, — произнёс мужской, чуть искажённый микрофоном голос.

— Хотела поблагодарить вас, — начала Марта без предисловий, едва референт вошёл в кабинет. — Вы меня очень выручили. И сами отработали по полной, и остальных помощников подходящих подобрали.

— Рад был помочь, Марта Степановна, — серьёзно кивнул референт.

— Возьмите, отпуск, отдохните от души — вы этого заслужили. Только, пожалуйста, не попадитесь на глаза нашим девушкам, а то своим неожиданным воскресением вы сведёте их с ума.

— Я буду очень осторожен, — усмехнулся Денис.

Тёмные волосы, чёрные глаза и открытая улыбка, на которую невозможно не ответить. «Кто ж устоит перед таким фактором?» — философски подумала Марта, глядя на закрывающуюся за референтом дверь. Вздохнула и снова положила руки на клавиатуру: Президент ждал доклада.

Максим Милосердов

Самоубийцы попадают в ад

Карл Павловский ненавидел жизнь. С самого детства, сколько себя помнил, он чувствовал: мир жесток и несправедлив. Подтрунивания мальчишек над хилым, болезненным пареньком, пошедшим в школу на год позже остальных, полное невнимание девочек в юношеские годы... С помощью мамы, Карл всё-таки закончил институт, получив серую специальность и место офисного служащего в непримечательной фирмочке на окраине города.

Первый раз Карл решил на это в пятнадцать лет. Бутылка портвейна, ванна, бритва.

Мать, вернувшаяся с работы на час раньше обычного. Скорая помощь. Учёт в психиатрической клинике. Таблетки три раза в день, после которых становится уже всё равно...

Но мысль о возможности повторить то, что не удалось с первого раза, осталась. Она грела, давала ощущение, что на самом деле всё в твоих руках. И на первом курсе института, устав от презрительных взглядов сокурсников и не получив допуск к сессии, Карл сделал ещё одну попытку.

Бутылка портвейна. Три упаковки снотворного. Скорая помощь. Академический отпуск. Хронический гастрит и таблетки по строгому расписанию. Маленькие красенькие таблетки, после которых становится уже всё равно.

Тот год не прошёл для Карла впустую. Мать не отпускала его ни на шаг. Были психолог, колдунья. Наконец, задушевные беседы с церковным батюшкой. Результатом стало неожиданное увлечение Карла религиозными практиками. За оставшиеся курсы института он изучил христианство, ислам, познакомился с основами буддизма и даосизма... Мать даже радовалась: пусть

уж лучше найдёт себя в какой-нибудь секте, не одобряющей суицид.

Но Карл всё равно чуть не сорвался. Разрыв с девушкой — прыщавой однокурсницей, не сданный вовремя дипломный проект. Всё как-то накатило... И на этот раз ему бы точно удалось...

«Страховка от самоубийства! — гласило газетное объявление, попавшее на глаза матери. — Качественно. Надёжно. Гарантия».

Естественно, женщина, заметившая уже знакомые ей тревожащие признаки в поведении сына, тут же притащила Карла в офис страховой фирмы. Доктор Велиалов был приветлив, а предложенное им средство казалось крайне заманчивым.

Экспериментальная страховая компания «Восемьдесят восьмой легион» работала на стыке статистики и медицины. Фирма появилась всего пару лет назад и сразу же показала самый высокий уровень доходности среди конкурентов, действовавших на страховом рынке по традиционным схемам. А секрет был в инновационном методе «Восемьдесят восьмого легиона». Страховщики не просто оценивали риски, они моделировали их! Вероятности пожара, наводнения, банального дорожно-транспортного происшествия и даже самоубийства обсчитывались на основании математических моделей, в том числе учитывавших характеристики личности застрахованного.

— Мы не пророки, но наши вычислительные мощности растут. ДТП, обморожения в пьяном виде и самоубийства мы уже способны предсказать с точностью шестьдесят шесть и шесть десятых процента! Кстати, касаясь самоубийств, наши оценки куда точнее, чем те, что сделает ваш личный психиатр! — с гордостью объявил Велиалов матери.

Карл стал клиентом страховой компании. Всё, что требовалось, подписав пухлый договор, это ежегодно вносить страховую плату и раз в квартал проходить медицинское обследование, включающее

оценку физического состояния, УЗИ внутренних органов и сканирование мозга на каком-то неимоверно сложном аппарате.

— Ваше здоровье, ваш эмоциональный тонус, уровень холестерина и мозговая активность — это слепок вашей личности! — пояснил доктор. — Именно эти данные позволяют делать столь точные прогнозы, а при возникновении какой-либо опасности, мы предупреждаем вас и ваших родственников.

И метод работал! Но как каждое средство, изобретённое человеком, подход страховщиков-инноваторов не был панацеей. Он не в полной мере учитывал случайности. День за днём Карл просыпался в унылой серой квартирке с видом на дымящие трубы промзоны, готовил завтрак из опостылевшей яичницы, ехал в переполненном вагоне метро на противоположный конец города, и вдруг всё как-то накатило: смерть матери, колкие шуточки коллег — таких же неудачников, как и он сам...

Быть может, страховая компания, кстати, изрядно расширившая свой бизнес за минувшее десятилетие, и прислала оповещение о возросшем риске самоубийства клиента, но среди оставшихся в живых родственников просто не оказалось того, кто мог бы принять меры. К тому же на горизонте маячила солидная страховая премия, да и квартирка, унаследованная Карлом, была лакомым кусочком. Как знать... Души человеческие темны.

Бутылка портвейна. Крыша. Короткий полёт, и тело, уродливо распластавшееся на асфальте. В конце концов, не к этому ли так стремился Карл последние двадцать лет? Requiescat in расет, Павловский!

Карл, как ни в чём не бывало, проснулся утром следующего дня. На удивление он был бодр и свеж и совершенно не помнил произошедшего накануне, Впрочем, куда-то вылетели из памяти и события последних двух недель лета.

За окном был всё тот же унылый пейзаж: дымящие трубы на фоне свинцового сен-

тябрьского неба. За грязной дверкой холодильника покоились пара яиц и кусочек слегка подплесневевшего сыра. Но что-то изменилось в этом мире. Коллеги вдруг перестали надоедать своими идиотскими шуточками. Они вообще перестали надоедать, словно из живых людей превратились в собственные оболочки. Так же, как и всегда, маячили перед глазами, раскладывали пасьянс-косынку и делились прочитанными в Интернете анекдотами. Но Карлу вдруг стало казаться, что за пределами фирмы этих людей не существует, что в пять часов, выходя с работы, они просто растворяются в пространстве.

Впрочем, вскоре он забыл об этом. Неожиданно пришло приглашение на собеседование от компании такого же профиля. И хотя, в принципе, ничего не менялось — всё также приходилось ехать хмурым утром на другой конец города, Павловский предложение принял.

Новый офис. Такой же уголок-загончик в общей комнате. Разве что больше перекуров и некоторая странность коллег. Если в предыдущем коллективе в основном обсуждалось, кто с кем задружил, и как мало платят за поистине титанический офисный труд, то здесь больше говорили о весьма приземлённых вещах. Прошла по телевизору реклама нового автомобиля — будь уверен: секретарша Кармила с восторгом перескажет её каждому и даже специально скачает ролик из Интернета. До обеда все только и будут делать, что обсуждать его. Чуть пропадёт интерес, бухгалтер Големов вспомнит о ролике, и обсуждение

Максим Миросердов родился в городе Барнауле — столице Алтайского края в 1978 году. В 1998 году стал лауреатом первого Всероссийского конкурса хайку, проводимого посольством Японии. В 2000 году, получив диплом переводчика с английского языка, подался в горы, мыл золото и добывал пушнину. Всё свободное время посвящал медитации и изучению каллиграфии. В 2013 году прервал отшельничество и вернулся к людям. Первый из написанных после возвращения в мир большого города рассказов мы публикуем.

начнётся по новой. То же самое касалось политики, звёзд спорта, новых фильмов, памперсов и жевательной резинки. Вроде бы обычная офисная болтовня, но социопату Карлу, не привыкшему следить за потугами мира, доказать свою значимость путём смены фасонов одежды, она казалась невыносимой. Карл становился скучнее, грустнее... А потом вдруг всё как-то накатило: лишили премии, разболелся зуб, прыщавая Катька из бухгалтерии насмешливо отвергла предложение сходить вечером в кино. К тому же эта серая затянувшаяся осень, полная бессмысленность ежедневных трёхчасовых поездок на работу и обратно...

Унылый субботний вечер. Бутылка портвейна. Крыша... Тело с уродливо вывернутыми конечностями, распростёршееся на асфальте...

Карл проснулся на следующее утро. С похмелья болела голова, ныли суставы. Вчерашнее казалось сном, но каким-то уж очень реалистичным был этот сон! Карл долго разглядывал себя в зеркало: рассматривал лицо с первыми морщинками вокруг глаз, первую седину в волосах. Начал бриться и порезался — кровь потекла тонкой струйкой. Нет, несомненно, он был жив, он чувствовал каждую клеточку своего тела.

Но что-то неуловимо изменилось в этом мире. Коллеги уже не приглашали его к участию в ежедневных обсуждениях, вездесущая секретарша — она, казалось, просто не замечала Карла. Дни становились всё тоскливее, и крыша манила к себе, словно шепча: «Исполни то, что тебе приснилось».

Неожиданно пришло приглашение поработать в такой же по профилю компании, и, обрадовавшись хоть какой-то перемене, Карл перевёлся на новую работу. Но и здесь всё осталось по-старому. Такие же поездки на другой конец города. Всё то же переключивание бумаг и колонки цифр для корпоративных отчётов. Только коллеги стали чуть-чуть другими. Они оказались

поголовно влюблены в спорт. Заводилами здесь были секретарша, очень похожая на Кармиллу, и офис-менеджер — точь-в-точь копия Големова. Но Карл ненавидел спорт с детства. Спустя неделю на новом месте он купил бутылку портвейна, сломал хлипкий замок на чердачной двери...

— Павловский! Ты уже достал всех со своими суицидами! — последнее, что услышал Карл за спиной.

Он испуганно оглянулся — у вентиляционной трубы мелькнуло смутно знакомое лицо. Карл хотел остановиться, но крыша была слишком скользкой. Короткий полёт. Тело в луже крови на асфальте. Головная боль при утреннем пробуждении. И на этот раз Карл знал твёрдо: вчерашнее не было сном!

Он долго рассматривал себя в зеркале. Всё тело болело, и эта ноющая боль усиливала ощущение того, что он всё-таки жив.

Не одеваясь, как был в семейных трусах, Карл вышел из квартиры и поднялся на чердак. Замок на двери болтался в вырванной петле. Ноябрьский ветер колотил лицо. Карлу стало страшно. Трезвым он боялся тех мгновений жизни, когда ты уже сделал неотвратимое и несёшься в пропасть, его ужасал тот последний миг боли, пронизывающей всё тело... На покрытой инеем крыше чётко были видны следы ног. Вот кто-то подошёл к краю, здесь шаг стал короче. Вот он упал и заскользил к сломанному парашюту. И Карл знал, что это — его следы!

Сердце учащённо забилося, ладони вспотели. Двор-колодец в высоты пятого этажа казался таким маленьким.

— Павловский! — услышал Карл за спиной и шагнул вперёд.

Короткий полёт. Свист ветра в ушах. Чавкающий удар, миг пронзающей боли и темнота.

Зазвонил будильник. Карл проснулся. Мутный утренний свет через пыльное окно, дымящие трубы промзоны за пустырьём. Два яйца и кусочек сыра в холодиль-

нике. Боль во всём теле, словно накануне перенапряг нетренированные мышцы. Карл заплакал. Он был уверен, что вчера и позавчера, а может быть, и ранее он попытался вырваться из этого мира. И он видел, что побег оказался тщетным.

Замок на чердачной двери был вырван. Парапет сломан. Две цепочки следов, слегка присыпанные снегом, тянулись к краю крыши. Карл медленно спустился во двор. Унылая дворничиха скребла метлой скользкий асфальт.

— Павловский, — услышал Карл за спиной уже знакомый голос. — Чего стоишь? На работу опоздаешь.

У подъезда курил сигарету аккуратно одетый человек, похожий на бухгалтера Големова и нового офис-менеджера одновременно.

— Простите... — Карл никак не мог вспомнить имени этого человека.

— Сосед я твой, — сказал незнакомец. — Не то, что ты сейчас вообразишь! Шуруй на работу, и без глупостей. Сам видишь, ни к чему твои фокусы не приводят.

— Но...

Менеджер-бухгалтер, не слушая Карла, скрылся в пропитанном кошачьей мочой подъезде.

Дни потекли своим чередом. Увлечение спортом, охватившее всех сотрудников офиса, неожиданно сменилось увлечением кофе, и обеденные перерывы превратились во что-то вроде любительских дегустаций. Но Павловский не любил кофе, и обязанность участвовать в ежедневных обсуждениях вгоняла его в тоску.

Наступил новый год, а за ним наконец-то, подошла к концу холодная и унылая зима. Но весна выдалась затяжной, переменчивой. Карлу не хватало солнца, каждый день приносил новые страдания.

— Взгляни на дерево, на каждой ветке притаилась твоя свобода, — бормотал Павловский.

Но за попыткой сунуть голову в петлю следовало унылое пробуждение и окрик соседа:

— Павловский, иди на работу! А свои шуточки брось!

Карл пробовал заговорить с этим странным человеком, но это ни к чему не приводило.

Павловский подозревал, что на самом деле он уже умер и пребывает в чистилище. Но, может быть, он просто сошёл с ума?

— Я сошёл с ума!

Эта мысль казалась спасением. Ведь если так, то не было на самом деле ни грозных окриков, ни унылых офисных будней, ни прыжков с крыши. Всё оказывалось проще! И нужно лишь пойти в клинику, получить от доктора горсть таблеток, начать пить их строго по расписанию...

Раз в три месяца по условиям страхового договора Павловский проходил медицинское обследование. Он вдруг понял, что был обязан явиться в офис «Восемьдесят восьмого легиона» ещё в ноябре, но просто забыл о необходимости визита.

— Так вот оно спасение! Вот! — шептал Павловский. — Я приду к ним, психиатр распознает во мне сумасшедшего, и всё это прекратится!

Решение было столь простым! Многие месяцы оно лежало на поверхности. Надо просто пойти к доктору и обо всём ему рассказать!

С того момента, как Карл впервые попал в «Восемьдесят восьмой легион», здесь многое изменилось. Компания обзавелась целой сетью офисов по всему городу. Это были роскошные здания из стекла и металла с обязательным швейцаром у подъезда. Фирма, несомненно, процветала, а её бизнес уже давно вышел за пределы страховой сферы. Павловский никогда особенно не интересовался происходящим в мире, но даже он знал, что «Восемьдесят восьмой легион» из местечковой компании превратился в успешную федеральную корпорацию, занимающуюся социологией и моделированием самых различных процессов.

Доктор Велиалов давно работал где-то в центральном офисе, и последние пару

лет врачом, консультирующим Павловского, был некто Асмодей Морт — пухленький чернявый человечек с большой лысиной.

— Простите, я застрахован от самоубийства, но пропустил уже два обследования, — сказал Карл, несколько волнуясь.

— Это нестрашно, — улыбнулся Асмодей. — Для вас обследования теперь лишь формальность.

От этих слов повеяло холодом и неприятно кольнуло сердце.

— Но я — настоящий самоубийца, доктор Морт!

— Карл, называйте меня просто Асмодей. Если у вас есть какие-то вопросы, можете их задать, — улыбнулся доктор и протянул Павловскому бокал.

— Отличное виски! Двадцатилетней выдержки. Угощайтесь.

Павловский сделал глоток обжигающей маслянистой жидкости и вдруг подумал, что стоимость предложенной порции, возможно, превышает размер его месячной зарплаты.

— Асмодей, я — самоубийца. И за последние полгода я совершил шесть попыток покончить с собой! — выпалил Карл.

— На самом деле, двенадцать, — как бы про себя пробормотал Асмодей. — Вы просто не про всё помните.

— Но ведь я жив... — во рту Павловского пересохло. — Это потому, что я застрахован?

— Отчасти! — улыбнулся Асмодей. — Вы пришли ко мне потому, что считаете себя сумасшедшим. Смеею заверить: вы — жуткий тип с невероятно сильными суицидальными наклонностями, неудачник и нытик, но в остальном вы нормальные.

— Тогда, может быть, вы объясните мне, что происходит? — спросил Карл.

Сердце его забилось ещё сильнее, лицо обдало жаром от прилившей к вискам крови.

— Конечно, объясню! — улыбнулся Асмодей. — Право, удивляюсь, как вы сами до сих пор не догадались. Вы же увлекались религией?

— Каждая религия предлагает свою версию происходящих в мире событий.

— Ну, хорошо. Но вы же знаете, есть такое религиозное учение, по которому мира не существует, а на самом деле является лишь сном...

— И? — губы Карла пересохли.

— И... Воспринимайте это учение буквально!

Доктор явно любовался замешательством Павловского. Наглядевшись вдоль, он расхохотался.

— Хотите сигарету? — спросил Асмодей, доставая из стола серебряную коробочку, украшенную замысловатым вензелем. — Какие предпочитаете?

— «Нашу марку»... — машинально сказал Карл.

— Ну, естественно. Даже не оригинально, — буркнул Асмодей, раскрывая портсигар. На красном бархате лежал ряд белых палочек. — Но не буду вас мучить. Мир, в котором вы пребываете после своего первого удачного самоубийства, а оно случилось в конце августа, с точки зрения древних, действительно можно назвать сном. Этот мир виртуален. Он — лишь компьютерная проекция. А вы — одна из сотни тысяч моделей, населяющих её наряду с ботами. Помните, доктор Велиалов сделал слепок вашей личности, оформляя самую первую страховку от суицида?

— Ах ты чёрт! — лицо Карла исказила гримаса. Скомканная сигарета оказалась на полу, а недопитый стакан полетел в стену. Никакого урона обстановке, впрочем, причинено не было. Ковёр с чавканьем заглотил окурочок, а стакан просто растворился в воздухе. — Слепок — это же моё индивидуальное сознание! Да вы... Вы... Вы украли мой разум! Похитили мою душу!

— Успокойтесь, Карл! Наша компания действует строго на основании договора. До вашего самоубийства мы регулярно обновляли модель вашей личности и по изменениям оценивали вероятность суицида. Смею вас заверить, это было сугубо математическое моделирование! Но в случае самоубийства клиента или в иных случаях, когда нам принесён убыток, мы получаем неограниченное право использовать электронный слепок в исследовательских целях, вот вы и оказались здесь. А ваша душа теперь безраздельно принадлежит нам!

— Я на это не подписывался!

— Подписывались! Надо было просто

уделить пять минут чтению договора, хотя бы той его части, что идёт мелким шрифтом!

Карлу потребовалось некоторое время, чтобы осознать открывшуюся истину. Он умер, но он потенциально бессмертен. По крайней мере, он будет жить до тех пор, пока работает центральный процессор компьютерного сервера корпорации. Сколько ни прыгай с крыши, и ни вскрывай вены, он будет вновь и вновь возвращаться к жизни в роли статиста для того, чтобы компания проверила, как воспринимается потенциальными потребителями новая реклама шоколадок или зубной пасты.

— Карл, — Асмодей похлопал Павловского по плечу. — Советую вам смириться с происходящим, перестать беспокоиться и просто начать... эээ...

— Жить?

— Я бы сказал, сотрудничать.

— Сколько же моих копий сейчас существует?

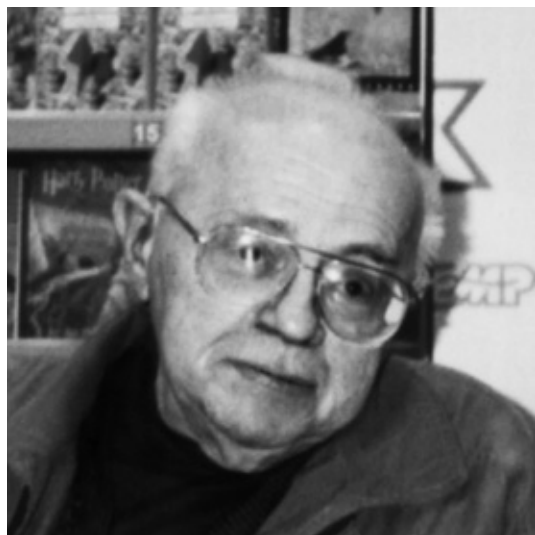
— А вы неглупый человек! — Асмодей засмеялся. — У нас неплохие вычислительные мощности, но, вот моделей сознания не хватает. Так что слепок личности каждого клиента, принёсшего компании убытки, приходится использовать примерно в десяти-пятнадцати проектах одновременно.

Это было ужасающее открытие. Десять-пятнадцать Карлов в этот миг просыпаются в своих унылых квартирках с видом на дымный город. Десять-пятнадцать Карлов плетутся на кухню и готовят осточертевшую яичницу. Десять-пятнадцать Карлов спускаются по тёмной вонючей лестнице и шагают к станции метро, чтобы поехать в ненавистный офис... И каждый мечтает только об одном: наконец-то прервать этот круговорот страданий!

— Но ведь... Ведь это же настоящий ад! Асмодей пожал плечами.

— Но вы же изучали религиозные догматы. Разве вы не знаете, что самоубийцы попадают в ад?

1. Братья Стругацкие

Станислав Лем
(1921-2006) —
классик
научной фантастики,
философ

*Стругацкие
2001*

У журнала «Космопорт» появился новый постоянный автор — классик научной фантастики и философ Станислав Лем. Любители НФ со стажем хорошо знают его творчество, ибо все его художественные произведения переведены на русский язык. Но художественная литература — это только часть творчества автора романа «Солярис». Гораздо большее место — по количеству опубликованного — занимают публицистика, научно-популярные статьи, литературная критика, футурология и философия. Вот с этой частью творчества Лема вам и предстоит познакомиться в рамках рубрики «Станислав Лем о ...». Здесь будут публиковаться — преимущественно впервые на русском языке и с любезного согласия наследников — подборки высказываний Лема о фантастике в целом и персонам, её творящим, о различных событиях и явлениях нашей жизни, в том или ином виде имеющим отношение к фантастике. Источники публикаций — около полутора тысяч статей, пяти сотен интервью, тысячи писем на разных языках, большинство из которых на русский язык не переводились.

С классиками научной и социальной фантастики братьями Аркадием Натановичем (1925-1991) и Борисом Натановичем (1933-2012) Стругацкими Лем был знаком лично — несколько раз встречался во время посещения Советского Союза, а с Аркадием однажды и в Праге: «Я начал бывать в России во времена Хрущёва, в составе делегации Союза польских писателей. (...) Однако в ходе своих поездок я так и не познакомился с русскими писателями, за исключением братьев Стругацких, так как общался в основном с представителями научных кругов»; ««Физики» перехватывали меня у «лириков». Я успел познакомиться только с братьями Стругацкими. Помнится, в начале нашей встречи братья поставили на стол бутылку коньяка, и едва она опорожнялась, как на её месте волшебным образом возникала следующая. Но я с честью выдержал это испытание»; однако «с братьями Стругацкими, должен сказать, мне просто не везло. Лишь однажды мне удалось повидать их вместе и всерьёз побеседовать; это было в Ленинграде; потом, сколько я бы ни приезжал, встречался с ними порознь и ненадолго».

Хотя старший из братьев был младше Лема всего на 4 года, Лем считал их представителями уже следующего поколения: «Из фантастов младшего поколения в первую очередь хотелось бы назвать братьев Стругацких. Мне нравятся многие их произведения»; «Мне кажется, хотя, естественно, я могу глубоко ошибаться, что Стругацкие в определённом смысле идут проторёнными мной тропами, что делают это самостоятельно и умно, иначе говоря — таких «учеников» не следует стыдиться, но, однако, всё равно желал бы, чтобы делали что-нибудь полностью суверенное, в полной независимости от меня... и от всей остальной мировой фантастики»; «Я,

конечно, вижу, где и как они шли за мной, т.е. по моим следам, но не могу их не уважать, потому что в каждый момент имею под рукой столько некачественной американской макулатуры, на фоне которой их книги звучат хорошо и чисто, порядочно и серьёзно»; «При всём тематическом и жанровом разнообразии англо-американской фантастики там очень заметно то, что я назвал бы «параличом социального воображения». Там пока совершенно невозможны произведения типа «Трудно быть богом» или «Обитаемый остров» А. и Б. Стругацких. Когда англо-американские фантасты пишут об отдалённом будущем, у них проявляются две крайности — либо они представляют его совершенно «чёрным», либо совершенно «розовым»».

Лем с интересом прочитал все основные произведения Стругацких, причём некоторые читал при первой публикации в журналах, которые ему присылали из СССР. Приведём мнение Лема о некоторых из них: «Люблю братьев Стругацких. Очень интересен их роман «Трудно быть богом». Он отвечает всем критериям, которые я требую от произведений научной фантастики: новизна, философскость. Хорошо, — я говорю как писатель, — хорошо написано, сильно»; «Роман [«Трудно быть богом»] Стругацких хорош, но есть неудачные места, они или не сумели, или не смогли его с размахом написать (российская критика заметила, что «Трудно быть богом» проблемно идентична моему «Эдему» и что идея отсюда; думаю, что это правда)»; «Трудно быть богом» (...) — очень явное повторение (во всяком случае для меня) проблематики «Эдема» (вмешиваться или не вмешиваться в чужую историю), а фон чрезмерно мнимый («чужие средние века» являются попросту микстурой, смесью событий — впрочем довольно поверхностных в историографическом смысле — земного хода истории, кроме того там есть ещё анахронизмы, наивность, продиктованные аллегорично-иносказательным воображением — я

имею в виду «фашизм» — всё это вместе определяет, что имеем книгу не плохую, но не являющуюся ни выдающимся литературным произведением, ни захватывающей научной фантастикой); «Трудно быть богом», если задумывалось как полемика с «Эдемом», полемикой не стало, потому что герой ничего не добивается своим бунтом: ничем не помог угнетаемым массам, девушку убили, а ему остались воспоминания. Кто в результате воспользовался тем, что он вышел за рамки игры, проводимой как чистое наблюдение? Можно сказать, что полемика заключается не в области моральных решений (вмешиваться — не вмешиваться), а в гносеологии (познаваема ли чужая культура?). Но и здесь нет никакой полемики, (...) ведь эти их инопланетные существа — это ЛЮДИ до последнего атома, то есть задача (гносеологическая) была «решена» с помощью *circulus in definiendo*, — я спрашивал, можно ли понять нечеловеческую историю, а они исходно заложили, что она ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ, то есть ничем существенным от человеческой не отличается. Это меня удивляет — может быть, Аркадий и не является орлом интеллекта, но Борис?»; «Мне восприятие этого романа очень затрудняет предпосылка авторов о полном подобии этих неизвестных существ и людей. Я попросту не могу в это верить! Разве что это сказка, но тогда она совсем сбивает меня с панталыку. Есть ещё одна их книга — называется «Малыш». Там причудливо поставлена проблема невозможности контакта с иной цивилизацией, которая замкнулась и не ищет никаких контактов»; «Малыш» уникален — это ясно, кроме того легко читается»; ««Сказку о тройке» я считаю превосходной, а «Гадкие лебеди» меня утомили»; «Сейчас Стругацкие пишут продолжение колоссальной истории об «Экселенц», о «странниках» и т.п. [имеется в виду «Жук в муравейнике»], публикуемое фрагментами в «Знание — сила» — мой австрийский агент достал пару номеров, поэтому мог

прочитать и это мне показалось мало стоящим. Естественно, что с такими обесценивающими суждениями следует всегда быть очень осторожным, но мне это действительно не понравилось. В частности, это не вызвало ни такого интереса, ни таких эмоций, как «Пикник на обочине», который по моему мнению продолжает быть их лучшим романом. Если где-нибудь упаковывается так называемая «еврейская проблема», как в «Гадких лебедях», то последствия там были скорее плохими для произведения. А если вставляются какие-то перекрученные отдельные слова, свидетельствующие о совершенно не космических вопросах (потому что не считаю семитскую-антисемитскую проблему космической), то выявление таких вещей представляется мне ловлей блох. Ибо что из этого с точки зрения художественной, миропознавательной или идеологической следует?»; «Братья Стругацкие ударились в чудачества, в разные яйцеклетки и т.п. Не знаю, зачем?»; «Книга Стругацких «Жук в муравейнике» мне совершенно чужда. Вся эта история с космическими яйцеклетками не вызывает у меня энтузиазма. Это просто сказочка, без смысла, которая не имеет какого-либо соответствия в реальной действительности».

О романе «Пикник на обочине» следует сказать особо. Эту книгу Лем считал лучшей в творчестве Стругацких, включил в свою серию книг «Станислав Лем рекомендует», написал большое послесловие. Впервые прочитав в журнале этот роман, Лем отметил: «Прекрасно написано, дьявольски увлекательно, сенсационно, а смысл такой: прилетели космические хулиганы, устроили Пикник на Обочине, затем сели, улетели и оставили после себя «Зоны Посещения» — в которых полно «их хлама», но этот хлам — чары для нашей науки, некие объекты, нарушающие все законы термодинамики и Ньютона, и что только себе «пожелаете».

При этом Лем, наверно, первым отметил схожесть этого романа Стругацких с

романом «Эра чудес» Джона Браннера: «ПАРАЛЛЕЛИЗМ фантастических мотивов (sjužet) я заметил давно. Это обидное для человеческого разума свидетельство его ограниченности в воображении! Но с Браннером и с «Пикником» — это уже что-то из телепатии: а) пришельцы создают локальные «города» на Земле, и попасть в них нельзя; б) вокруг «городов» царит хаос, закон сильной руки, локальные самозванные «власти, затрудняющие исследования»; в) у границы «городов» и в них самих можно найти непонятные объекты, которые не удаётся познать ни одним из способов, доступных людям, нельзя их «разгрызть». И таких совпадений ещё больше! Как и то, что загадка Пришельцев до конца остаётся неразгаданной загадкой... (...) Если бы «Пикник» не провалился так неприятно в эпилоге, и ещё если бы был менее «сплюснен» — мелкий — в перипетиях героев — это могла бы быть изумительная вещь. Задатки были! И что бы там с Браннером ни совпадало, «Пикник» значительно лучше в художественном смысле».

В послесловии Лем отметил: ««Пикник на обочине» основан на двух концепциях. Первая — это (...) стратегия неразгадываемости тайны пришельцев. (...) Вторая — это реакция человечества на Посещение, отличная от обычной в научной фантастике. (...) Посещение в «Пикнике» — это не странность для странности, а введение исходных условий для мысленного эксперимента в области «экспериментальной историософии», и в этом заключается ценность этой книги». Лему не понравилось окончание романа: «Не авторский комментарий должен уводить нас от навязываемого структурально решения, а сами события в их объективном виде. Поэтому локально мощный эффект эпилога портит прекрасное целое книги». Впоследствии, отвечая на вопрос о советской научной фантастике, Лем отметил: «Собственно, кроме пары книг, таких как «Пикник на обочине», я не нашёл там ничего такого,

что бы меня восхитило. Эта книга Стругацких вызывает во мне своеобразную зависть, как если бы это я должен был её написать. С повествовательной точки зрения она безумно увлекательна, хотя авторы немного и хватили через край».

Но в произведениях Стругацких важно и ценно ещё и другое — аллегорически-иносказательный подход, что особо отмечал и Лем: «Большинство их произведений — это беспощадные карикатуры на советский тоталитаризм и социальные отношения. Они говорят, что никто не может быть сделан счастливым насильно, осуждают злостные злоупотребления внутри системы и т.д. Их «Трудно быть богом», возможно, лучший пример подобного типа произведений. Тогда едва ли удивительно то, что с того момента, когда советская система развалилась, в работах Стругацких стали заметны любопытные и показательные тенденции. В прошлом писатели очень близко, насколько возможно, принимая во внимание инструкции советской цензуры, шли вдоль допустимых границ художественного творчества. Они должны были скрывать то, что находятся в социальной и политической оппозиции к режиму. Естественно, когда в какой-то момент в 1960-х годах эта сторона их творчества была замечена советскими литературоведами, разные осведомители и доносчики, конечно, в меру своих возможностей в качестве литературных критиков, причинили много вреда этим писателям (задерживая публикацию их работ и т.д.)».

Подобным подходом пользовался и сам Лем: «Вначале научная фантастика воспринималась как дурацкая литература. До тех пор, пока Советы не догадались, что братья Стругацкие являются идеологическими перебежчиками и до тех пор, пока это информация не была передана в Польшу, можно было себе очень многое позволить и ловко камуфлировать. (...) И если делались не очень прозрачные намёки, то это проходило». В связи с этим была

проблема-опасность, которая не в полной мере осознавалась на Западе, но которую хорошо понимал Лем: ««Расшифровка» произведений Стругацких, когда они сидят в СССР и не пользуются большой любовью властей, кажется мне очень несоответствующей ситуации. Иначе обстоит дела с умершими авторами, как Адамов, ибо даже КГБ не сможет сделать ничего плохого покойнику, но выискивание мельчайших намёков у братьев Стругацких — это уже подобно доносу! Недавно я начал читать в «Знание — сила» их новый роман [«Волны гасят ветер»], который представляется продолжением «Жука в муравейнике». Как-то меня это не очень увлекает, но считаю, что не следует указывать, «что авторы в действительности имели в виду», даже если намёки представляются невинными. Это очень деликатный вопрос. Я сам, когда пишу о Стругацких, осознанно воздерживаюсь, например, в послесловии к «Пикнику на обочине», и в письме старался отговорить одного американского профессора от публикации его лекции о Стругацких, потому что это может им навредить».

А в целом у Лема общее впечатление от творчества Стругацких сложилось очень положительным, ибо в одном из своих последних интервью, данном испанцам, на вопрос, как Лем относится к Брэдбери, Кларку и Азимову, Лем ответил: «Никак. Я думаю, что россияне, братья Аркадий и Борис Стругацкие, лучше».

Составление, перевод, комментарий и фото Виктора Язневича

Виктор Язневич родился в 1957 г. в Гродно. Окончил Факультет прикладной математики БГУ, кандидат технических наук. С 1999 г. переводчик философско-публицистических работ и рассказов Станислава Лема на русский язык. Составитель и переводчик многих изданных в Москве сборников таких работ С. Лема, автор более 30 опубликованных в разных странах статей о его творчестве. Живёт в Минске.

Станислав Лем

Три моих желания

Год назад мюнхенское издательство «Matthes & Seitz» обратилось ко мне с просьбой ответить на вопрос, который они задавали различным знаменитостям, главным образом из ФРГ: как бы я отреагировал на известие о высадке на Землю существ из космоса. Я отказался от участия в этом опросе, объяснив в письме, что считаю такое событие невозможным и не желаю выдумывать свою реакцию на невозможное. Издатель опубликовал копию моего письма в книге «Инопланетяне здесь», содержащей ответы на этот вопрос, и забавным оказалось, что все опрашиваемые дали ответ, а отказался только писатель, занимающийся фантастикой.

*

Краков, 11.04.79

Уважаемый господин Маттес!

Я благодарю за Ваше письмо, а также за предложение добавить в запланированную Вами книгу мою реакцию на приземление инопланетных существ. Я сожалею, что не могу принять за чистую монету предположение (о том, что дело дошло до выше указанного появления инопланетян на Земле), явившееся предпосылкой Вашей затеи. Факт мы можем воспринять или в случае непосредственного личного переживания, или доверяя сообщённой информации. В первом случае (если бы мне пришлось пережить что-то типа прямого контакта с гуманоидными космическими пришельцами) я бы считал себя душевнобольным, а во втором я бы придерживался мнения, что это сообщение неверно (поскольку вымышлено, искажено, ошибочно истолковано и т. п.). Я хочу попытаться объяснить причину такого моего отношения на примере. По образованию я врач, и 28 лет назад я работал акушером в одной клинике. Если бы мне кто-то сказал, что он присутствовал при рождении ребёнка,

который покинул лоно своей матери с маленькой электрической гитарой в руке, то я ни в коем случае не поверил бы этому; если бы мне пришлось лично пережить что-либо подобное, то я бы посчитал это переживание галлюцинацией. А именно потому, что я так много знаю о беременности, родах, новорождённых, что я не мог бы поверить в указанный случай. Теперь что касается инопланетян, в этой теме я также считаю себя (пусть и самопровозглашённым) экспертом. На моей шкале правдоподобности есть следующая градация вероятного: информационный контакт с «другими» я считаю возможным, хотя и маловероятным в нашем столетии; их появление на Земле я считаю почти невозможным, если бы речь шла о НЕ человекоподобных существах; но то, что они одновременно должны быть человекоподобными и появиться в наши дни, — это для меня уже явная «квадратура круга». В общем, как я не могу представить себе квадратные круги, так же я при всём своём желании не могу представить себе такой случай, когда эти гуманоиды находятся среди людей. И то, что мне кажется невозможным, я не могу рассматривать в качестве предпосылки, которая должна была бы определить мою реакцию на этот случай. Всерьёз не получится, а если это всего лишь шутка, то я не думаю, что смогу ответить на ваши ожидания остроумным замечанием.

С наилучшими пожеланиями

Станислав Лем

*

Так началось моё сотрудничество с издателем, который в начале весны 1979 года придумал очередную анкету. На этот раз опрашивалось множество людей уже за пределами Германии. Следовало описать три наиболее личных желания, игнорируя реальность их исполнения, словно ты ребёнок перед волшебником из сказки. Мой ответ был опубликован в книге «Острова в Эго. Книга желаний» [Inseln im Ich. Ein Buch der Wünsche. – München: Matthes &

Seitz Verlag, 1980, 339 s.]. Ответ был настолько искренним, что я решил опубликовать его в собственном переводе (оригинал был написан на немецком языке). Добавлю, что тем самым впервые в жизни мне довелось ощутить проблемы, которые, как правило, являются уделом переводчиков, мучающихся с передачей моих польских неологизмов на иностранные языки, теперь же я должен был изобретать польские эквиваленты того, что выдумал по-немецки.

Чтобы основательно воспользоваться предоставленным мне правом исполнить три желания, начну с обычной невозможности, чтобы последним желанием углубиться в то, что «наиболее невозможно». Это заявление может удивить, потому что обычно невозможному степень не приписывают. Но это ошибка, возникающая от фатального отсутствия общей теории удовлетворения всяких желаний, то есть теории, для которой граница между тем, что возможно, и тем, что невозможно, малозаметна. Покажу это в своих желаниях, охватывающих различные уровни невозможного.

1. Первое моё желание выглядит достаточно скромным. Речь идёт о постепенной ликвидации лжи в общественной и политической жизни. Ложь процветает и в демократическом, и в тоталитарном государстве, ибо в первом она равноправна с правдой, а во втором её распространяет правительство и поддерживает цензура. Исполнение моих желаний не нарушит ни одно из этих обстоятельств напрямую. Должна только возникнуть обратная связь между публичной ложью и лжецом. Благодаря этому лгущие будут сами себя демаскировать. И неважно, идёт ли речь о правительственных чиновниках, телевизионных комментаторах, активистах оппозиции, пропагандистах, рекламных специалистах или представителях различных религий. Лжец выдаст себя тем, что, обманывая, издаст пронзительный крик от боли. Ибо тот, кто будет лгать,

тотчас же ощутит пронизывающую боль. Где появится боль, для лжеца всегда будет сюрпризом. Никто не будет знать заранее, будет ли из-за лжи испытывать почечную колику, зубную боль или боли в животе. Когда он прекратит лгать, боль будет длиться ещё некоторое время в качестве наказания и предупреждения. В первые месяцы после введения моей системы мы будем ошеломлены раздающимися отовсюду криками. Вскоре, однако, обнаружим, что игра стоит свеч. Можно даже оптимистически предположить, что через некоторое время станет тише, потому что заинтересованные осознают истинную цену лжи.

К сожалению, не всё так просто, ибо ложь в чистом виде выступает так же редко, как и святая правда. Обычно нам предлагается смесь обоих. Кроме того, многие люди лгут в полной уверенности, что говорят правду. Чтобы объяснить, как это будет преодолено, добавлю несколько слов о технических поддержке моего метода. Будет существовать невидимая система глобального контроля. Независимая от правительств или любого другого вмешательства, со скоростью света определяющая содержание истины в том, что произносится публично. Сказанное в баре или перед сном под одеялом не учитывается, здесь можно и дальше лгать сколько угодно. Компьютерная сеть — будем считать, что в основе лежат компьютеры — оценивает произносимое на соответствие действительности и его возможные социальные последствия. Если кто-то, например, заявляет, что есть только один бог — Аллах или Иегова — с ним ничего не происходит. Когда, однако, он говорит, что во имя этого бога следует убивать каких-либо людей или перекрывать какие-нибудь краны, то получает ишиас в качестве предупредительного выстрела. И боли в позвоночнике будут мучить его в течение трёх дней. Кто лжёт на 60%, будет парализован на 60% на шесть недель, и т.д. Компьютеры содержат подробные прецеденты на все виды лжи в различном

сочетании с правдой. То, чего нет в прейскурантах, появится на моём столе, ибо я буду высшей инстанцией, решающей, что является, а что не является ложью.

Очевидно, будут предприниматься некоторые усилия, чтобы предоставить хоть какую-либо возможность лгать. Появятся фанатики и пропагандисты, готовые лгать и далее, появятся доплаты к заработной плате в качестве компенсации за боль. Появятся также устройства, например, в радио, задачей которых будет глушение всяческих стонов. В таких случаях будет выявляться вся цепочка лиц, издававших распоряжения, поощряющие ложь, и все они завизжат хором.

Я не могу предсказать, какое влияние окажет на наш мир этот болезненный процесс обучения. Придётся считаться с ужасными сценами, например, на политических съездах и годовых собраниях акционеров различных компаний, поскольку ограниченная ответственность не спасёт правление от болезненных ощущений. Лично я надеюсь при помощи этого изобретения получить много приятных часов. Можно отметить, что вряд ли мне удастся быть беспристрастным судьёй, но ведь я и не утверждал, что стану воплощением справедливости. У меня и так мягкий характер, что легко увидеть, так как я не хочу никого наказывать необратимой инвалидностью или смертью. Оставляю каждому неограниченное право лгать, только за это придётся платить указанную цену. Каждый человек может себе представить, как будет выглядеть мир через год после исполнения моего первого желания.

2. Второе моё желание также является альтруистическим. Рождённое в мечтах приземление инопланетян становится реальностью. Пришельцы после своего прибытия исследуют господствующие у нас отношения и убеждаются, что всё мы делали неправильно. Одновременно выясняют, КТО является лучшим и мудрейшим среди всех людей. С вашего позволения,

такой человек — это я. Они хотят назначить меня Верховным Правителем Земли, но я не даю согласия. Мне достаточно поста Советника при Верховном Совете Пришельцев. Они захотели навязать Земле полное разоружение. Но после их отбытия гонка вооружений начнётся заново. Поэтому я предлагаю Верховному Совету разделение труда: я располагаю знанием местных обычаев и великолепными идеями, а они — способностью реализовать сложнейшие проекты. На этом и будет основано наше сотрудничество.

У меня есть идея: земную среду необходимо изменить таким образом, чтобы никто не мог причинить какой-нибудь вред своему ближнему. В качестве прототипа для реализации я беру бактерии. Ведь если есть специфические микробы различных болезней, то в принципе могут существовать подобные вирусам крошечные молекулы, способные распознавать различные виды вооружений. Их будут массово выращивать и рассеивать; кроме того, дальше они будут размножаться сами. Суть моей идеи: следует удержать слепой меч, а не руку. Голая рука мало что сможет сделать. Как это осуществить? Как распознать вооружение в отличие от безвредных объектов? По тому, что вооружения передвигаются с большой скоростью, как, например, ракеты, гранаты, бомбы и другие снаряды. И эти молекулы будут отбирать энергию движения у всего, что движется слишком быстро. О технической стороне пусть беспокоятся пришельцы. В течение суток все системы вооружений будут обезврежены. Каждая запущенная ракета, каждый снаряд будут опускаться настолько медленно, что не смогут взорваться. Танки смогут двигаться, но не смогут стрелять. Бомбы, сброшенные с самолётов, будут падать медленно, как пух. А при взрыве самодельных бомб осколки будут разлетаться так медленно, что их можно будет в воздухе собрать руками. Возникнут сложности при прокладке тоннелей и других инженерных работах, однако я считаю, что всё-

таки в итоге результат будет положительным. Невольно ликвидируются любые катастрофы (например, автомобильные), так как миротворческой молекуле всё равно, намеренно ли какой-нибудь предмет собирается врезаться во что-нибудь окружающее, потому что кто-то этого желал, или непреднамеренно, если, например, водитель не справился с управлением автомобиля.

Конечно, это ещё не решает всех проблем. Мирные молекулы одного типа не могут распознать все виды вооружений. Но так же как природа создала микробы холеры, бешенства, чумы и тысячи других, так и мои коллеги в Верховном Совете Пришельцев создадут множество различных молекул, охраняющих мир. Создадут также и специальные, противостоящие бандитам.

Когда кто-то попытается причинить вред ближнему, вирусы доброты, незримо парящие в воздухе, преобразуют его верхнюю одежду, брюки, нижнее бельё в эластичную прочную оболочку, так что он себя почувствует как младенец в пелёнках, а если же он не оставит злых намерений и удвоит усилия, его одежда так затвердеет, что нападающий превратится в статую со сжатыми кулаками. Злые языки утверждают, что я будто бы сделал невозможной сексуальную жизнь, потому что в ней присутствуют элементы агрессивности, а если кто-то слишком активно действует в постели, то оказывается связанным собственной пижамой. Но это легко предотвратить, предварительно раздевшись, так что такое обвинение является необоснованной клеветой.

Также невозможным станет использование в качестве оружия ядовитого газа и настоящих микробов, потому что специальные молекулы как катализаторы преобразуют такие газы в духи, а микробы — в нитробактерии, удобряющие почву. Кто же готов на всё, чтобы из ближнего сотворить отбивную, не только сам должен раздеться, но и убедить того, кого соби-

рается поколотить, раздеться донага, ибо в противном случае защитные функции принимает на себя одежда атакованного. Это открытие возродило надежду в сердцах отчаявшихся штабных офицеров. Но вскоре они убедились, насколько плохо подходят двуногие армии для проведения военных действий. Столкновения превращались в простые драки, и что хуже всего, среди обнажённых нельзя было отличить ни врагов от своих, ни солдат от офицеров.

Работающие как одержимые учёные обнаружили, наконец, в своих лабораториях, что в настоящее время только живая субстанция годится в качестве оружия. Но когда их надежды не оправдали миномёты солониной и пушки, стреляющие беконом, они приложили усилия, чтобы в арсеналы вошли бешеные волки, тигры, крысы, и даже блохи в качестве биологического оружия. Против бешеных блох даже Верховный Совет не смог найти противоядие. Но под влиянием добродетельных молекул даже хищники стали кроткими, как ягнята, а одними блохами, хотя они и остались на поле боя, не удалось вести войны.

Проблемой всё ещё остаются различные террористы, например, ИРА, и все те, кто убийствами и бомбами хотят улучшить мир. Ничего лучшего не пришло мне в голову, как их гуманное переселение на иные планеты. Атмосферу Венеры делают пригодной для жизни и, кроме того, на Марсе среди оазисов разместят банки и небоскрёбы — чтобы было что грабить и взрывать. Земля станет абсолютно миролюбивой, и я смогу подать в отставку со своего поста.

3. Третье моё желание своей неисполнимостью превышает оба предыдущих. Они просто детский лепет по сравнению с ним. Я желаю себе однажды утром открыть глаза и с удовлетворением убедиться, что всё, что случилось со мной и миром со времени окончания гимназии, было просто ночным кошмаром. Приснилась мне Вторая мировая война, концлагеря, оккупация Польши

и других стран, «окончательное решение еврейского вопроса», конференции по разоружению, Римский клуб, дебаты по ядерным вопросам, кризисы и т.п. НИЧЕГО из этого не произошло, это был всего лишь кошмарный сон. После пробуждения, кроме облегчения, я почувствую стыд за то, что приписывал человечеству столько убийственной ярости и свинства. Как же мне станет стыдно, что были правы те, кто издавна отмечал во мне мизантропию и садистские черты характера, проявившиеся в моём сне.

Вместе с этим с радостным воодушевлением смогу утверждать, что всё, что говорили гимназистские учителя о благородной природе человека, было чистой правдой.

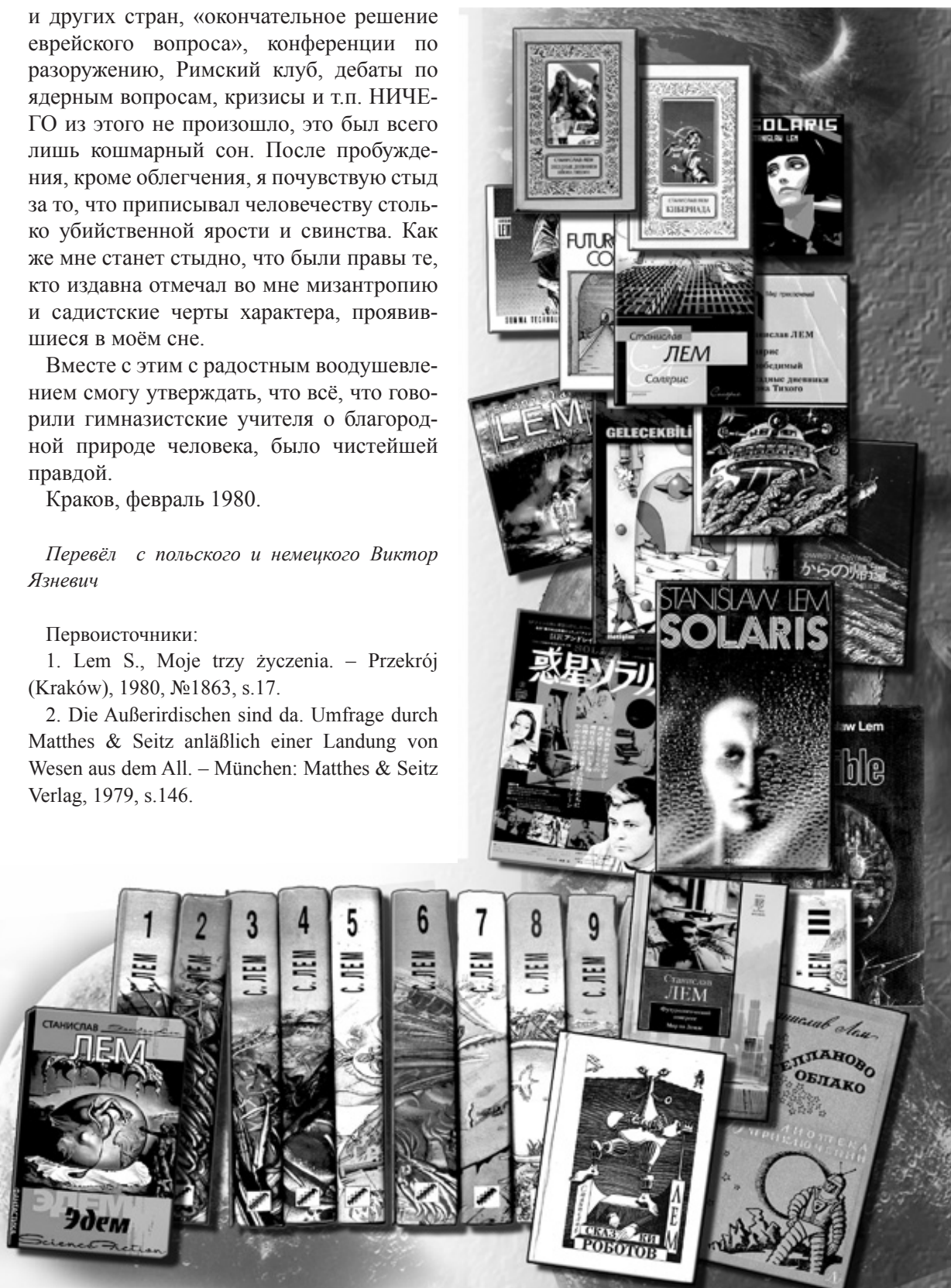
Краков, февраль 1980.

Перевёл с польского и немецкого Виктор Язневич

Первоисточники:

1. Lem S., *Moje trzy zyczenia*. – Przekrój (Kraków), 1980, №1863, s.17.

2. Die Außerirdischen sind da. Umfrage durch Matthes & Seitz anläßlich einer Landung von Wesen aus dem All. – München: Matthes & Seitz Verlag, 1979, s.146.

Александра Кон Тэп

Это был день важной покупки. Ещё бы! Уже все сослуживцы имели это маленькое устройство, стоящее как средний автомобиль. Даже глава многодетного семейства Пашка Семёнов вчера прошёлся по этажу, демонстративно выпятив «часы». Тогда Игорь Олегович решил: негоже начальству отставать от подчинённых, пора!

Жена отутюжила праздничный костюм, который он решался надевать только на самые важные деловые встречи. Сама сходила в парикмахерскую и магазин — за новым платьем.

Перед выходом Игорь Олегович погляделся в зеркало, стряхнул невидимую пылинку. Его жена, Нина Степановна, в последний раз поправила завиток сложной причёски.

— Ну, с богом! — выдохнула женщина и перекрестилась.

Чета выбралась на лестничную площадку. Когда дверь за ними захлопнулась, супруга Игоря Олеговича забеспокоилась.

— Ой, кажется, я уют не выключила.

— Я выключил, — отвечивал Игорь Олегович.

— А карточки не забыли? — Нина Степановна полезла в сумочку. — Ой, я их не нахожу! Надо вернуться.

Игорь Олегович разозлился: глупая женщина! И без того боязно, а тут ещё её истерики!

— Всё у меня. Пошли! — рявкнул он. Нина Степановна притихла и поспешила за с мужем.

Всю дорогу супруги шли молча. Жара была невыносимая. Пот струился по лбу, а рубашка неприятно липла к телу. Игорь Олегович уже жалел, что послушал жену и надел деловой костюм.

Когда автоматические двери магазина техники распахнулись и разбавили августовское пекло прохладой, Игорь Олегович едва устоял на ногах — такое это было блаженство! Он бы так и стоял на пороге, если б Нина Степановна не подтолкнула его в спину.

В магазине к ним тут же подбежал шустрый парень. Красивый, подумала Нина Степановна. Умный, заметил Игорь Олегович.

Продавец загараторил о скидках, товарах недели. За те минуты, что чета Дворковых стояла, застигнутая врасплох, он успел даже процитировать часть каталога.

— Так что желаете? — спросил парень.

— Эм... — замаялся Игорь Олегович. — Мне нужен...

— У нас есть кефиродавилка, ватонагревалка, колпачки для шариковых ручек с подогревом — и всё по приемлемой цене... — продавец молотил языком, а Игорь Олегович терялся в раздумьях, как же вклиниться в этот монолог. От напряжения мысли даже затылок зачесался, но господин Дворковой усилием воли подавил это желание.

— Мы хотим... — попытался вклиниться в монолог продавца Игорь Олегович.

— ...если вы приобретёте карточку... — парень не обращал никакого внимания на желания клиента, ему надо было сбавить лежалый товар и этот старик вполне подходил.

— ...купить...

Положение спасла Нина Степановна, она звонко хлопнула в ладоши, от такой наглости парень замер на полуслове, дру-

гие продавцы зыркнули на супругов, но остальные посетили, в разной мере поиманные в хитроумную ловушку, с уважением взирали на госпожу Дворковую и раздумывали, не попросить ли помощи у этой храброй женщины.

— Покажите нам тэп-часы! — Нина Степановна сама себе удивлялась.

Продавец на секунду замер, переключая мозговые рецепторы с рекламы в режим «вип-клиент». Затем его спина незначительно согнулась, взгляд из надменного превратился в заискивающий, голос помягчел.

— Прошу прощения, сразу не догадался. Пройдёмте.

Чету Дворковых провели к особой витрине. Рядом без отрыва на чай постоянно дежурил охранник. Ему в подстраховку были выделены четыре камеры видеонаблюдения.

Продавец открыл занавеску из чёрного бархата и закрепил её шёлковой лентой. Сейчас-то Игорь Олегович и прочувствовал всю важность момента. Он же теперь не абы кто, а человек, покупающий тэп! Господин Дворковой приосанился.

— Какой дизайн вам больше нравится? — тараторил продавец. — Вот этот сделан в Швейцарии. Надёжен, доставляет на место с точностью до сантиметра. Этот тоже хорош... — парень заливался соловьём.

У Игоря Олеговича от разнообразия глаза разбегались. Эх, жаль не спросил у знакомых, что лучше брать, и даже справочниками не пошуршал. А так бы сейчас помогло!..

Тут снова вмешалась Нина Степановна.

— А российского производства у вас есть? — спросила она.

Парень странно посмотрел на покупателей.

— Конечно. Вот они. Дизайн «Сделано в СССР». Посмотрите на эти линии и цвета — последний писк моды...

Игорь Олегович вспомнил свои старые часы марки «Электроника» и подумал, что модель-то, наверняка, переделана домашним умельцем из советского рари-

тета, значит, устройство должно работать лучше швейцарских. Ладно, модно — так модно. Сил находится здесь больше нет.

— Берём!

Парень кивнул охраннику, тот подошёл и коснулся замка подушечкой большого пальца. Витрины из антивандалового стекла приоткрылись. Зал тут же огласила тревожная сирена. Игорь Олегович почувствовал себя вором, кровь прилила к лицу, а на лбу выступили капельки пота. Жена протянула платок.

Продавец ловко, как заправский карманник, вытянул тэп. Браслет зацепился за неуклюжей формы постамент, который вместе с «Электроникой» оказался на свободе. Охранник тут же захлопнул дверцу. Сигнализация смолкла, и все облегчённо вздохнули. Подставку оставили охране, а сами направились к кассиру.

Покупку оформили быстро. В комплекте выдали подарочный пакет и дисконтную карту, за которые сняли с карточки приличную сумму. Затем дали гарантийный талон — за него тоже пришлось заплатить — и чек. Нине Степановне всучили в руки три «бесплатных» рекламных каталога. Причём проделано всё было очень оперативно, чета Дворковых едва успела сказать «Но...», как уже была на улице.

Как включать новомодную штуку, супругам в магазине не объяснили, поэтому возвращались они тем же путём: тротуарами, сквозь полуденное летнее марево.

Дома глава семейства чинно уединился в кабинете. Там он поставил пакет с покупкой на стол, бумаги аккуратно положил рядом — все начальники после долгих лет службы начинают трепетно относиться к каждому листочку, мало-мальски напоминающий документ.

Как пользоваться устройством, Игорь Олегович не знал. Что ж, решил он, всё познаётся в учении. Выдохнув, как перед приёмом на грудь ста грамм водки, Игорь

Александра Кон: О себе писать нечего, поэтому: «Живу в Поволжье, работаю не по специальности. Люблю кошек».

Олегович потянулся к пакету. Стоило только запустить в него руку, как блестящая бумага порвалась. Игорь Олегович был в хорошем расположении духа, поэтому решил, что просить магазин вернуть деньги за упаковку не будет — себе дороже выйдет.

Итак, коробочка серебряного цвета появилась на столе. Что дальше? Надо найти инструкцию.

Игорь Олегович добрался до толстенькой глянцевої брошюрки. Н-да, читать всё это не хотелось. Не зная с чего начать, Игорь Олегович быстро пролистал маленькую книжечку. Чего здесь только ни было: статьи о ГП-часах, интервью с рекламщиками, блогерами и сетевыми звёздами, половину страниц занимала реклама, была даже сто пятая глава из модного романа одного зарубежного писателя с непроносимой фамилией, замыкало сей продукт содержание на десяти страницах.

Но где же инструкция по использованию тэп-часов? Игорь Олегович ещё раз внимательно ознакомился с книжечкой и нашёл её на внутреннем завороте суперобложки. Шрифт был настолько мелким, что пришлось достать лупу.

Чтобы ничего не перепутать, Игорь Олегович переписал инструкцию в крохотную записную книжку, с которой вне дома никогда не расставался.

Игорь Олегович до мозга костей был консерватор, недолюбливал всякие новые штучки, поэтому решил испытать прибор завтра.

На следующий день в офисе начальник Дворковой щеголял старыми советскими часами, переделанными под новейшее чудо техники. Большую часть дня Игорь Олегович выслушивал поздравления от своих немногочисленных подчинённых, причём многие в поздравлятелях умудрились оказаться два раза, особо старательные не забыли высказать своё уважение трижды, а самые золотые и трудолюбивые работники позаботились ещё и о подарках. В общем, сегодня все усиленно работали.

Когда часы пробили четыре, офисный планктон засобиравшись домой. До пяти ча-

сов надо было сделать многое: попить чайку на дорожку, вымыть бокалы, разложить бумажечки по папочкам и расставить шариковые ручки по местам, не забыть разложить пасьянс, между делом завести тэпы, чтобы ровно в пять — ни секундой позже! — убраться из опостылевшего офиса.

В 17:00 сотрудники синхронно исчезли. Помещение опустело, повисла звенящая тишина.

Игорь Олегович по переписанной инструкции настроил тэп-часы на свой дом, но нажать кнопку запуска не решился — мало ли чего напутал, вдруг занесёт на окраину города, в самые Трущобы. Пешочком надёжнее, да и недалеко совсем: перейти на ту сторону и пройти один двор. Погода тоже радует, со вчерашнего мучительно жаркого дня температура опустилась на два градуса — уже терпимо!

Убедив себя, Игорь Олегович отправился домой.

На пороге его встретила жена. Красные глаза, плотно сжатые губы и скалка в руке сулили большие неприятности...

Следующим утром по дороге на работу, вспоминая прошедший вечер и адскую ночь, Игорь Олегович едва не угодил под пустой троллейбус, пережиток древнейших времён. Это его немного отрезвило. Он прокрутил в голове весь свой вчерашний разговор с супругой.

— Так это правда, — дрожащим голосом заявила Нина Степановна, — ты мне изменяешь! — Она уже даже замахнулась скалкой, но Игорь Олегович шустро отпрыгнул в сторону.

— Да что ты, дорогая, как я могу...

Нина Степановна сменила позицию и теперь снова замахивалась на мужа.

— Тогда почему ты так поздно? У тебя ведь есть тэп. Правильно написали в инструкции к ним... — жена передумала бить нерадивого мужа, упала на тумбочку для обуви и громко зарыдала.

«Спасён!» — подумал Игорь Олегович, пряча тяжёлую скалку за спиной. Он про-

тиснулся мимо плачущей супруги. Успокаивать он никогда не умел, а уж справляться с женскими истериками — тем паче, поэтому решился на крайнюю меру: пустить всё на самотёк — вдруг рассосётся.

Не рассосалось ни через час, ни через два. Вначале всхлипы жены не давали смотреть любимую телепередачу. Затем всю ночь Игорь Олегович слышал под боком сдерживаемые рыдания.

Нет! Повторения он не выдержит. Значит, придётся сегодня загнать страх поглубже и запустить проклятый механизм, чтобы в 17:01 быть уже дома.

Весь рабочий день ушёл на то, чтобы наизубок выучить инструкцию. Игорь Олегович даже приказал секретарю никого не впускать (разве что начальник начальника пожалует).

Стрелки часов подбирались к экзаменационной отметке в пять часов. И с каждой отсчитанной ими секундой Игорь Олегович всё сильнее чувствовал себя абитуриентом перед гос. экзаменом. А ведь ещё не поздно попросить о помощи... Нет, одёрнул себя Игорь Олегович, после такого коллектив уважать перестанет.

Без двадцати пять. Игорь Олегович в последний раз проверил настройки тэпа, сверился с инструкцией — всё как надо!

А вот и наступила экзаменационная минута. Сотрудники тут же исчезли кто куда. Игорь Олегович честно пытался нажать кнопку, чтобы запустить механизм, но кишка оказалась тонка: страх всего нового победил.

Тогда Игорь Олегович решил выйти на улицу. Пока шёл по огромному офисному залу, разгороженному ширмами, уговаривал себя включить тэп. Игорь Олегович миновал дверь. Лестница и огромный холл тоже остались позади. Автоматика раздвинула стеклянные створки и выпустила заповздавшего работника на волю.

Сорокаградусная августовская жара тут же набросилась на безвинного Игоря Олеговича. Он достал платок и вытер мокрый лоб. Когда он двинулся с места, дорогая

обувка с трудом оторвалась от раскалённого бетона. Не к месту вспомнилась вчерашняя истерика жены. Настроение упало ниже некуда, и Игорь Олегович решился.

Он переложил портфель в левую руку, поднял её и нажал на кнопку. Игорь Олегович видел, как металл погрузился в корпус, а в следующий миг освещение изменилось: на циферблат тэп-часов легли махровые тени, какие дают кроны деревьев. Воздух стал тяжелее, в нём царили тяжёлые запахи бедных окраин города. Разноголосица ударила по слуху и на пару секунд оглушила. А тут ещё ощущения, словно невидимые силы разорвали его на мелкие кусочки и снова собрали воедино, причём где-то что-то сцепили не так, и какие-то молекулы встали не на свои места. Н-да, неприятно.

Игорь Олегович отпустил кнопку запуска и беспомощно огляделся. Его в самом деле занесло в Трущобы! Да как такое возможно? Он же десять раз всё точно по инструкции проверил! И как теперь отсюда выбираться?

— А-а, чёртов тэпер! — справа к нему приближалась шайка бандитов. Тот, что шёл впереди, с битой, злобно скалился. Казалось, сейчас он сорвётся в бег и с размаху ударит Игоря Олеговича.

— На экскурсию явился? — подхватила возмущение лидера банда. — Ублюдок! Сейчас мы тебя проэкскурсим!

Игорь Олегович за всю свою жизнь никогда не был в экстремальных ситуациях, поэтому растерялся и упустил шанс построить тэп на другую точку и вовремя сбежать обратно.

Парень медленно занёс битку. Сейчас ударит, подумал Игорь Олегович и сыграл на опережение: упал коленями на разбитый тротуар и закрыл голову. Рукав пиджака задрался, выставив напоказ тэп-часы.

Игорь Олегович готовился претерпеть избиение в полном объёме, но вместо этого с его руки сорвали дорогую безделушку. Игорь Олегович с опаской поднял голову узнать, что происходит.

— Ха! — выпалил один из хулиганов. — Ты глянь, «Made in China»! Надули тебя, дед, — парень сплюнул. — Как ты вообще решился запустить эту штуку?

Тэп, за который Игорь Олегович уплатил свой годовой доход, упал перед ним, прямо в лужу. Часы в последний раз мигнули и погасли. Как теперь возвращаться домой? Сколько времени это займёт? Час? День? Два? А по возвращении, какая буря его ждёт от ненаглядной супруги! Игорь Олегович схватился за голову.

— Не дрейфь, дедуля, — тяжёлая ладонь упала на плечо, едва не сломав его. — Мы проводим тебя к Эйнштейну. Он в миг починит твою халтурку! Бери её и за мной.

Делать нечего. Пришлось подбирать тэп-часы.

— Вставай, дед, — поторопили Игоря Олеговича. — Здесь недалеко. Смотри, уже толпа собирается. Шевели костями, а не то разорвут.

На той стороне дороги стоял крепко сбитый мужичок и исподлобья смотрел в сторону Игоря Олеговича. Тут же остановилась женщина с двумя кошёлками. Её глаза злобно сверкали. Слева дорогу перебежала шайка подростков. Они остановились подальше и молча сверлили взглядом тэпера. Один из них подобрал увесистый сук...

Игорь Олегович, как ужаленный, вскочил и мельком обвёл взглядом бандитов. Их лица не сулили ничего хорошего. Челюсти сжаты, в глазах — жажда крови. Пальцы до белизны сжимают оружие: ножи-бабочки, как мечи заточенные с одного края балки, металлические прутья — всё наготове. Малейшая искра — и вспыхнет пожар.

— Не боись, дед. Мы тебя не тронем, неприятности от твоих нам не нужны. Но разгуливать здесь ты тоже не будешь. Пошли!

Игоря Олеговича подхватили под обе руки. Дорога до халупы местного технического специалиста превратилась в ад.

От тротуара мало что осталось: сплошные колдобины. Бандиты, не жалея ног Игоря Олеговича, тащили его вперёд. Стоило оступиться, как один из них тут же отваливал пинок и приказывал шевелиться. Остальные — молчали. От их колючих взглядов по спине бежали мурашки, между лопаток горело.

Всю дорогу их сопровождали обозлённые горожане. Сначала они попадались поодиночке, но вскоре стали собираться в группки, которые сопровождали процессию на безопасном расстоянии. Некоторые мужчины демонстрировали кухонные ножи, монтировки, гаечные ключи. Толпа становилась всё беспокойнее.

Бандиты тоже были взвинчены. Быть побитыми из-за какого-то тэпера им явно не хотелось.

Они пересекли двор, прошли под аркой. Всеобщее злое молчание проводило их через дорогу. Игоря Олеговича провели тёмными переулками. А затем был прохладный подъезд — одно большое «Фу!» Стены изрисованы, полы не мыты, лифт... А его нет! Обессиленный Игорь Олегович едва не упал на площадке.

Дальше — лестница. Слава богу, подниматься пришлось лишь на второй этаж. Игорь Олегович платком вытер лицо и шею. Рубашка вся промокла — её теперь только выбрасывать. Пиджак, наверное, ещё можно спасти.

Один из провожатых пнул хлюпкую дверь в чужую квартиру, створка повисла на одной петле. В прихожей тут же вспыхнул красный свет, а женский голос из комнаты завопил: «Вторжение!» Игорь Олегович вздрогнул и попятился было назад, но парень ухватил его за ворот и потащил внутрь.

— Эйнштейн! Эйн, к тебе клиент.

От этого «клиент» Игорю Олеговичу стало нехорошо. Он уже приготовился к тому, что сейчас из него выпотрошат все счета. Наверное, придётся залезть в парочку кредитов, чтобы оплатить ремонт

такого дорогого устройства. Но ведь другого выхода нет!..

— Серый, — возмутился тонкий голос, — ты опять мне дверь выломал! Говорил же звонить...

— Да не злись ты. Мы быстро её на место поставим. Ты лучше на это взгляни, — Игоря Олеговича вытолкнули вперёд. — Тэпер из Центра Города. Глянь его игрушку.

Тот, кого называли Эйнштейном, вытер руки о грязную тряпицу и взял тэп-часы.

— Ого! — присвистнул он. — Уважаю, решиться использовать это. Тебе, старик, повезло. Бывает, эти штуки не полностью переносят человека. Вон Серый, например, остался без ноги, — парень, что притащил Игоря Олеговича сюда, подтянул штанину, обнажив протез. — Или соберут не так!

Игорю Олеговичу стало нехорошо, он сполз по стеночке.

— Эй! — сердито сказал Серый. — Ты ведь можешь починить эту вещь?

— Какие сомнения! Нет ничего проще.

— Вот и отлично. Тогда давай побыстрее! — Серый скрылся в ближайшей комнатухе. Оттуда донёсся грохот. — Где у тебя инструмент?

— Где обычно, — ответил Эйнштейн и поковылял в свою мастерскую.

Серый починил дверь и покинул квартиру. Сигнализация вскоре отключилась. Сколько же времени прошло? Игорь Олегович полез за телефоном, чтобы глянуть на часы... И только теперь догадался, что он давно мог вызвать помощь! Трясушимися от волнения пальцами Игорь Олегович набрал номер жены. Нина Степановна ответила быстро. Первое слово она обронила спокойно, а затем началось такое! Игорь Олегович сразу отключился, но в ушах ещё с минуту звенело. Кому же ещё можно позвонить? Он перебрал в уме весь список контактов и не нашёл никого подходящего: обращаться к нижестоящим — стыдно, к начальству — дерзко, к родственникам — бесполезно. Соседи? Будут только рады его несчастью...

Шорох в конце коридора вывел Игоря Олеговича из задумчивости.

Эйнштейн подал ему тэп.

— Готово, старик! Надевай!

Игорь Олегович несмело взял устройство. После всех этих жутких рассказней он до дрожи в коленях боялся снова использовать тэп.

— Починено, — успокоил Эйнштейн. — На одно перемещение сработает, но дальше — лучше выкинь игрушку. Давай-давай, надевай.

— С-спасибо. С-сколько я вам должен?

Эйнштейн присел напротив:

— Ты, старик, должен одно: убраться отсюда поскорее. Тэперов здесь не любят. Поторопись, пока мне снова дверь не выломали.

Игорь Олегович застегнул часы на руке, выставил нужные координаты. Всё готово, осталось только нажать кнопку. Секунда — и он будет дома. Но рука, как назло, отказывалась слушаться.

— Ничего, — сказал Эйнштейн. — Я установил таймер. На 18.37.

Это ж через десять секунд! Игорь Олегович вцепился в ремешок, чтобы снять ненавистные тэп-часы...

Но было уже поздно. Мир изменился. Убогая квартирка превратилась в роскошные апартаменты. В воздухе летал аппетитный запах пирогов с рыбой, а там, где раньше сидел Эйнштейн, теперь стояла Нина Степановна. Игорь Олегович подскочил на ноги и крепко сжал супругу в объятиях. Пусть она и скандалит, и капризничает иногда, и порой хорошо треплет нервишки, но... Как же хорошо оказаться дома! Игорь Олегович зарыдал в голос, а вместе с ним и Нина Степановна.

— Вернулся! — голосила она. — А я уж чего только ни напридумывала!..

С тех пор семья Дворковых напрочь отказалась от всяких там телепортёров. Часы Игорь Олегович носил как обычное украшение, а на вопрос сослуживцев, почему он ходит домой пешком, отвечал, что пешие прогулки полезны для здоровья.

Два ПРОТИВОСТОЯЩИХ пальца

1.

— Милый, — сказала ему Ирма. — Бросал бы ты это дело. Дома месяцами не бываешь.

Алеф застёгивал свой походный ранец. Зашелестев, тот обхватил сложенные на кровати вещи мягкими лепестками и, зашипев, выпустил из себя воздух. Тональное окно, выставленное на тридцать процентов, красило комнату в светло-оранжевый оттенок. У стены заворочался Малыш. Старший, Гозек, спал рядом с ним, раскинув руки в стороны и приоткрыв рот, будто пытался до кого-то докричаться, да так и заснул. Алеф посмотрел на сыновей, и у него перехватило горло. Захотелось разбудить их прямо сейчас, растормошить, развеселить, защекотать...

— Это не дело... приехал ночью, на три часа... — Ирма сложила руки на груди, затем вздохнула, обмякла, и её кисти вновь упали на колени. — В следующий раз дети тебя совсем не узнают.

Алеф, наконец, отвернулся от детских кроваток. Если их разбудить сейчас, уйти будет много сложнее. Он поднял ранец, прилепил его на спину и подошёл к жене.

— Ну брось... это ненадолго. Через четыре года на пенсию, ещё даже надоест успею...

Ирма не отвечала. Тогда Алеф поцеловал её в мокрую щёку, повернулся и, не оглядываясь, вышел из квартиры.

Ирма села на кровать, подтянула к подбородку ноги и тихонько, чтобы не разбудить детей, заплакала.

2.

— Имя?

— Младший сержант Алеф Лоуман, 23-277. Четвёртый десантный имени Чи-

наски, борт «Улыбка Хокинга», прибыл из увольнения.

— Увольнительный пробей, — солдат протянул ему терминал, и Алеф, проведя по нему карточкой, прервал своё увольнение. — Вылет через четыре часа. Чего так рано пришёл?

— Боялся опоздать, — буркнул Алеф.

Солдат, старый ефрейтор со стальным черепом поглядел на него и хмыкнул.

— Младший сержант Лоуман, добро пожаловать обратно в Космический флот.

Алеф забрал карточку и пошёл к виднеющимся вдалеке казармам.

Через четыре часа, трясаясь в космолёте, он в который раз пытался найти в муравейнике лежащего под ним города свой дом, но опять не смог. Тогда он перевёл взгляд на затылок сидящего впереди соседа.

Затылок был самым обычным, но Алеф разглядывал его до самой стыковки.

3.

— Наша цель, — лейтенант Герченко ткнул пальцем в экран с картой станции, — вот эта вот хрень. Если доберёмся до неё, значит, победили. Включаем щит — и пусть хоть на таран идут, станция всё равно выдержит. Если же первыми до этой хрени доберутся плоскозадые, то мы срочно сваливаем со станции и начинаем вести по ней бортовой огонь. Вопросы есть?

Алеф поднял руку.

— Лоуман?

— А смысл будет по ней палить, если они тоже щит включают?

Лейтенант посмотрел на холодно светящийся экран, затем — снова на Алефа.

— Лоуман, а тебе не похер? Ты, что ли, палить будешь?

— Никак нет. Не буду.

— Ну, значит, и колыхать тебя это не должно, правильно?

— Так точно, товарищ лейтенант.

— Ещё вопросы есть? — Герченко обвёл взглядом свой взвод. — Если первыми доберёмся мы — получите плюшек с чаем. Если первым доберётся кто-нибудь из чет-

вёртой роты — получите в дыхло лично от капитана Кокорина. Всё ясно?

Бойцы забормотали, что, мол, всё ясно.

— Тогда по коням. Лоуман, Чич и Полянский — командиры отделений. Дежурный медик, — он заглянул в планшет. — Какой-то хер по фамилии Козин. Он здесь?

— Так точно! — Козин поднялся на ноги. — Ефрейтор Козин для прохождения...

— Сядь, чё ты маячишь. Прибыл и прибыл, глаза только не мозоль. Сдохнет кто на станции из моих — тогда и рапортовать будешь... из пятой позиции... чего ржёте, черти? У всех экзоскелеты, что ли, наидеалены? Хер ли вас не торопит, ну?

Десантники, не особенно торопясь, засеменяли по инструктажной к выходу. Алеф быстро добрался до своего экзоблока — сержантские места были ближайшие в ряду, и пустил на него питание, затем проверил боекомплект и по указаниям Герченко настроил связь. Наконец, он залез внутрь и, расположившись поудобнее, поднял экзоскелет на лапы.

— Лоуман! Слышь меня?

— Ну?

— Как к жене съездил, а? Отжучил её?

— А ты как думаешь? — Алеф отметил на своей панели двух командиров отделения и Герченко, затем отметил синим цветом медика.

— Думаю, нет, — ответил он.

— Вот и я думаю, что нет, — Полянский хохотнул. — Не ссы, ещё успеешь. Чича сегодня вместе с нами поставили, в курсе?

— Я ж вместе с тобой слушал.

— Ну да. Ты его только вперёд не пускай, окей? А то кантры.

— Окей.

Один за другим, все экзоскелеты выдвинулись из своих ниш и прогрохотали в «циркулярку». Там пришлось подождать, пока платформа не доставит их к одному из шлюзов. Бойцы нервно переминались, кашляли, кто-то вдруг вздумал поправить ремни «считывалки» на груди, за что и получил по башке от Герченко. Наконец,

появилась здоровенный железный шлюз с надписью «А-2».

«Хороший знак, — подумал Алеф. — Не первые, значит, пойдём».

Экзоскелеты зашевелились, подняли лапы, затрещали, выдвигая заслоны и пушки. Кто-то вдруг начал молиться, но резкое «отставить» Герченко заставило его замолчать. Круг шлюза, дёрнувшись, пришёл в движение, огромная надпись «А-2» скрывалась в переборке.

— Ну, — сказал по связи Полянский, — понеслась, родим...

Разряд из открывшейся щели почти разорвал экзоскелет Полянского пополам, заставив его замолчать на полуслове. В разъём шлюза сунулась морда, затянута в броню, вокруг засверкали заряды.

— Ждуууут! — заорал, захлёбываясь, Чич, — нас ждуууут!

Алеф присел, сложил лапы экзоскелета и несколько раз выстрелил в открывшуюся за шлюзом тьму. Вспышки осветили несколько десятков плоскозадых, разбегающихся по грузовому ангару станции.

— На прорыв! На прорыв! — Герченко первый сиганул в разъём, сразу же получил несколько разрядов, но всё же устоял. За ним кинулся Алеф и ещё два бойца. Вокруг всё наполнилось огнём, Алефа несколько раз мотнуло вокруг своей собственной оси, он рухнул на стальной пол, вновь вскочил и даже успел выстрелить в отступающего плоскозатого, а затем вдруг увидел наведённые на себя пушки и сразу же почувствовал, как плавится его экзоскелет.

4.

— Нравится? — спросил Алеф.

Гозек поднял голову, посмотрел на отца и, кивнув, вновь продолжил играть с его

Евгений Шиков родился и вырос в Москве, работает копирайтером в брендинговом агентстве. Писать начал с детства, публиковаться — с 25 лет. В фантастике больше всего ценит те рассказы, в которых присутствует психологическая достоверность и интересная, «цепляющая» история.

рукой. Рядом зашевелилась Ирма, щёлкнула по панели, что-то выделяя.

— Смотри, — сказала она, — здесь пишут, что с таким ранением ты можешь выйти на пенсию на полгода раньше. Правда, здорово?

— Ага, — Алеф вытянул из руки палец, и стукнул им Гозека по лбу. Тот расхохотался и попытался его схватить, но Алеф просто втянул палец обратно в кисть, и Гозек, поймав пустоту, восхищённо выдохнул. — А самое крутое — это два противостоящих пальца. Мне медики объяснили — это инновация такая. Оказывается, любой человек может справиться с шестью пальцами, если два из них — противостоящие, понимаешь?

— Нет, — Ирма посмотрела на руку Алефа. Механическая конечность с блестящими белыми пальцами выглядела угрожающе. — Не понимаю.

— Мне теперь удобнее в два раза. Шлем снять, кинуть что-нибудь... и всё бесплатно. Всё за счёт государства.

— Ну да... — Ирма вздохнула, — Может, останешься? Два месяца...

— Нет, — Алеф покачал головой. — Лучше на два месяца раньше уйти. А то привыкну тут с вами и уже на службу возвратиться не смогу.

— Но две недели... — Ирма опять всхлипнула. — Это же издевательство!

Алеф взял Гозека на руки и поставил его на пол. Тот счастливо улыбнулся ему снизу вверх. Затем Алеф посмотрел на младшего сына — тот всё это время боролся со сном, дожидаясь ухода папы, но, всё-таки, не выдержал и заснул прямо на кресле, с зажатой в руках игрушкой. Подойдя к сыну, Алеф вытащил игрушку из его рук, посмотрел на неё и хмыкнул — это был космодесантник в экзоскелете, из дешёвых, конечно, но деталей была масса. Были даже цилиндры С-88 на плече, а ведь их в комплект ввели всего-то год назад... Алеф отложил в сторону космодесантника, поднял мальчика на руки и отнёс его в кровать. Затем вернулся к столу, взял свою карточку, привычно прилепил ранец между лопаток и обернулся к жене. Та уже плакала. Гозек уцепился за штанину и тянул её вниз. Алеф, улыбнувшись, потрепал его по голове, поцеловал жену и, отвернувшись от семьи, зашагал к выходу.

Ирма дождалась, пока за дверью не стихнут шаги, подошла к столу и, нажав на кнопку распределителя, стала смотреть, как картины заполняет пластиковый стакан.

5.

— Имя?

— Сержант Алеф Лоуман, 23-277. Четвёртый десантный имени Чинаски, борт «Улыбка Хокинга», прибыл из увольнения.

— Увольнительная? — сонный солдат протянул руку, и Алеф протянул ему карточку. Солдат провёл ею по терминалу,

прочитал информацию. — Вылет через полтора часа, площадка 26-С.

— А почему «С»? — удивился Алеф.

— Дальний перелёт, — объяснил солдат и, протянув ему обратно карточку, отступил в сторону. — Сержант Лоуман, добро пожаловать обратно в Космический флот.

— Спасибо, — ответил Алеф и пошёл к площадке 26-С.

Топать до неё было далеко.

6.

— Лоуман?

— Я, товарищ старший лейтенант!

— Высадка будет проходить в секторе четырнадцать вместо семнадцатого! Там два завода, вас сбросят рядом, подберётесь поближе и раскуролесите их. Всё остальное — по плану, как поняли?

— Понял раскуролесить заводы! — Алеф, тяжело двинув экзоскелетом, повернулся к Чичу. — Слышь, Чич! Высадка теперь в четырнадцатом, громим заводы!

— Что? — Чич повернулся к нему. — Заводы?

— Заводы! Два штука! Громить-убивать! Твоя меня понять?

— А, ну да... — Чич отвернулся. — Это понял.

Алеф вернул экзоскелет в исходное. Странно. Уже давно не надо было поворачиваться, чтобы что-то сказать соседу, ан нет — инстинкты брали своё. Покосившись на Чича, Алеф вздохнул. После смерти Полянского он изменился, стал замкнутым и грубым, будто вечно с похмелья. Они с Полянским крепко дружили.

Челнок, мягко приземлившись на чужую планету, распахнул борта, и экзоскелеты пришли в движение. Бойцы выбирались в чёрную густую жижу, усеянную ярко-белыми стволами местных деревьев, и, разбившись на тройки, двинулись туда, где горели огни заводов. Судя по показаниям датчиков, ночь была жаркой и влажной. Кто-то в полголоса чертыхался, кто-то незлобно обматерил нерасторопного соседа. Приблизившись к первому заводу и обна-

ружив ворота, они быстро выжгли немногочисленную охрану, проникли в ангар, побросали С-88 и отступили, наблюдая за ярким пламенем. «Зажигалки» сработали, как надо — завод полыхнул, задымил и вскоре сложился внутрь. Отделение

Алефа к тому времени уже подобралось ко второму заводу и теперь, притаившись между белых стволов, солдаты рассматривали мельтешащих по территории завода плоскозадых.

— Интересно, — Чич, обходивший завод с севера, возник на панели Алефа. — А чего они там такое производят?

— Какая разница? — спросил Алеф. — Чтобы не производили — горит всё одинаково. Ты на месте?

— Минута, — Чич тяжело дышал. — Пока подбираемся. Тут какие-то завалы, то ли свалка, то ли ещё чего... можешь уже тоже выдвигаться.

Алеф отдал приказ, и, тяжело ударяя по земле лапами, экзоскелеты бросились в атаку. На панели появилось лицо одного из солдат, молодое и испуганное.

— Товарищ сержант! Крыша!

— Мечиков, повтори!

— Крыша, товарищ сержант! Открывается!

— На месте! Стой! Алеф приблизил изображение завода. Крыша действительно разошлась в стороны, а внутри что-то пришло в движение. — Это ещё что за... — Алеф поперхнулся. — Чич! Чич, отступай!

— Что? — удивился Чич.

— Отступай сейчас же, слышишь! Это «стрекозы», они тут «стрекоз» клепают! Быстро...

Поднявшаяся в воздух «стрекоза» развернула крылья и, застрекотав, стала превращать землю позади завода в кипящий огонь.

— Твою мать! Чич! — Алеф махнул лапой и бросился вперёд. — Бить только по «стрекозе», на плоскозадых не отвлекаться! — Он на ходу дал прицел и выпустил по ней все свои четыре «зарницы». Стрекоза лишь отмахнулась от них, плюнув огнём, и «зарницы» взорвались на подлёте, но в тот же момент позади Алефа загрохотало, и небо осветилось четырьмя десятками ракет, выпущенных его подразделением. Стрекоза попыталась уйти вбок, перена-

правила огонь в сторону леса, но тут же вспыхнула и стала падать. Алеф был уже у стен, когда она грохнулась о железную крышу завода и взорвалась.

— Две! — орал кто-то. — Ещё две поднялись!

— Врассыпную! — Алеф закинул последнюю С-88 на территорию завода, проломился сквозь сетку и побежал по периметру, давая залпы почти не целясь. Стена просела, рухнула, и открылся ангар, освещённый лишь разгоравшимися «зажигалками». Алеф, сложив вместе лапы, подал на заряд «краснопёрку», и та, вывалившись из экзоскелета, втянулась в гнездо под одним из «локтей».

— Алеф! Назад! Приказ назад! — на экране было окровавленное лицо Чича.

— А вот хер, — Алеф встал на колено, взбросил вверх лапы и нажал на спуск. Он ещё успел удивиться, как, оказывается, низко над землёй парят «стрекозы», когда отдачей его бросило на землю, а сверху низвергся огонь.

7.

— А затем папа всех спас. И получил вот эту медаль, видишь? — Алеф взял со стола тяжёлый кругляш и показал его Гозеку.

— Круто, — восторженно сказал тот. — А можно мне...

— Подержать? На, держи, — Алеф отдал сыну медаль, и тот стал внимательно её рассматривать.

— «За храбрость» — прочитал он. — Значит, ты храбрый?

— А ты думал? Ещё бы.

— Пап, — Гозек посмотрел ему в лицо. — А можно посмотреть, какой ты... ну, под маской?

— Это не маска, — улыбнулся Алеф. — Это псевдоплоть, я не могу её снять.

— А потрогать можно?

— Ну конечно.

Алеф приблизил лицо к сыну. Гозек вытянул руку и аккуратно дотронулся до твёрдого изгиба блестящего подбородка, прошёлся вверх по холодной плоти щеки,

коснулся шва рядом с тем, что когда-то было носом, затем искусственного глаза...

— А что под ней? — спросил он.

— Ничего. Всё сгорело, — Алеф встал на ноги. — Но это ведь тоже лицо, да?

— Это не лицо, — подала голос Ирма. — Это чёрти что. Почему они не восставили тебе прежнее лицо?

— Ирма, не надо, — Алеф подошёл к ней, коснулся её плеча настоящей, живой рукой. С недавних пор Ирма не любила касаний его искусственной конечности. — Я же говорю тебе — так даже лучше. Они имплантировали мне такой глаз... ты и представить себе не можешь. Я вижу практически на триста шестьдесят градусов!

— Здесь пишут, что ты мог потребовать сокращения срока службы ещё на полгода, учитывая твою медаль и прочее...

— Тогда бы меня не отпустили в отпуск, ты же знаешь... а ведь ты...

— Да какая разница? — Ирма затянулась, стряхнула пепел в пустой стакан и открыла новую страницу. Алеф присмотрелся к названию. Что-то о жёнах офицеров, какой-то форум. — Всё равно ведь уедешь.

— Но я же вернусь... — Алеф посмотрел на её спину, затылок, на локти, слегка разведённые, чтобы удобнее было набирать текст. Ему вдруг захотелось всё бросить, отказаться от пенсии, остаться здесь, с ней и детьми, и он даже вытянул руку, чтобы положить на плечо жены... но затем остановился, поднёс ладонь к глазам и пошевелил всеми шестью пальцами. Государство дало ему очень многое. Он не мог просто так взять и всё бросить. У него был долг.

— Поменьше ты сиди на этих сайтах, — сказал он негромко, затем поцеловал детей (младший прижимал к груди подарок — совершенно нового космодесантника), и вышел в коридор, тихонько притворив за собой дверь.

Ирма даже не повернулась.

8.

— Имя?

— Старший сержант Алеф Лоуман, 23-277. Четвёртый десантный имени Чинаски, борт «Улыбка Хокинга», прибыл из отпуска.

— Отпускной? — девушка с сержантскими погонами приняла у него карточку, считала информацию и вернула обратно. — Ваш борт находится в системе 4BV. До станции «Ореол-6» вас доставит борт «Завет Ганди», далее проследуете на челноке. Вылет «Завета Ганди» с площадки 11-С через шестнадцать часов.

— Шестнадцать часов? — Алеф посмотрел по сторонам. — А здесь есть где-нибудь буфет?

— Буфет только для офицеров. Солдатская чайная находится в административном здании, — девушка махнула рукой в сторону громады Центра Управления Полётами. — Там всё есть. Старший сержант Лоуман, добро пожаловать обратно в Космический флот.

Алеф кивнул ей и двинулся в чайную. Ему было наплевать, где проходило время его службы, лишь бы проходило. Если они хотят, чтобы он два месяца добирался до «Хокинга» — их проблемы. Время на дороге тоже идёт в зачёт.

В чайной он заказал колы и, представив, что внутри ещё и ром, стал её пить. Стало чуточку легче.

9.

Капитан Герченко разглядывал свои руки, на каждой из которых было по два противостоящих пальца. Алеф присел рядом с ним, откашлялся. Герченко посмотрел на него, затем положил руки на колени и стал смотреть на пол.

— Товарищ капитан, — Алеф запнулся, но вскоре справился с собой и продолжил. — Я насчёт пенсии.

— Пенсия, — повторил Герченко. — Кидалово это, Лоуман. Нас имеют, а мы и рады. Пенсия... Ему, — он кивнул на фельдшера, пытающегося влезть в экзо-

скелет, — может, чего ещё и поможет. Но не нам. Всё кидалово.

— Товарищ капитан, — Алеф решил пропустить слова капитана мимо ушей. — Мне через три месяца на пенсию. Я по какому вопросу...

— Хочешь после вылета на базе остаться?

— Так точно, товарищ капитан. Двадцать четыре боевых вылета...

— Знаю. Имеешь право после двадцать пятого... у меня вот семьдесят два. На пенсию должен был позавчера пойти.

Алеф помолчал.

— Кидалово всё это, — капитан поднялся на ноги. — Как миф о загробной жизни. Сдохну здесь. И ты сдохнешь, — он посмотрел на поспешившего подняться на ноги Алефа. — Подпишу я тебе твой обходной. Но только это тебе не поможет.

— Спасибо, товарищ капитан!

— Не благодари. Лучше залазь, давай, в экзон, пока не началось. Выбросим тебя над «гарпуном».

— Над «гарпуном»? — удивился Алеф. — Почему над «гарпуном»? Я же должен на «якорь».

— На «якорь» молодые пойдут.

— Товарищ капитан! Пусть лучше на «гарпун» садятся, там полегче...

Герченко вдруг подался вперёд, схватил Алефа за воротник и рванул на себя. Лицо его, за исключением вкраплений псевдоплоти, покраснело, напряглось. Алеф сглотнул.

— Ты чего, старшой, не наслужился ещё? Не наигрался? От тебя сколько осталось-то, а? Процентом сорок? Хочешь совсем в жестянку уйти?

Он тяжело дышал. Алеф разжал его пальцы и аккуратно высвободился.

— Товарищ капитан, я думаю, что молодых на «якорь» нельзя. Я буду вынужден написать рапорт.

— Ну и хер с тобой, — Герченко вдруг обмяк, его лицо приобрело бессмысленное, отречённое выражение. — Хочешь на «якорь» — иди. Даю три отделения,

два — молодые, одно — твоё. Пойдёшь старшим.

— Спасибо, товарищ капитан, — Алеф прислонил к козырьку руку. — Разрешите выполнять?

— Выполняй, — махнул рукой Герченко. — Только дурак ты, Лоуман. Потом ещё поймёшь.

Алеф обернулся и направился к экзоблокам. Внутри его груди что-то тяжело и противно переворачивалось, краями цепляясь за грудную клетку и оставляя на ней глубокие, рваные зазубрины.

«Устал, — повторял про себя Алеф. — Он просто устал».

10.

Чем ближе был «якорь», тем сильнее билось сердце Алефа. Туша боевого корабля закрывала полнеба, а вокруг блестели ряды «мальков» и «четвертушек», атакующих эту громадину. Их взвод вышвырнули в невесомость в нескольких километрах над корпусом «якоря», и теперь они молчаливо на него падали. Связь и почти все приборы были отключены — они были просто кусочками металла, обломками, оседающими на корпус. При удачном стечении обстоятельств, когда противник обнаружит, что это десант, будет слишком поздно.

«Я тучка, тучка, тучка, — вспомнилось Алефу. — Я вовсе не...»

Четверо десантников из молодых, чуть левее Алефа, вспыхнули в ослепительном огне внешней пушки «якоря». Алеф включил связь.

— Отставить панику! Продолжаем снижение! Заряд шёл в «малька» позади нас, нас не заметили, никакого движения!

Он отключил связь и стал ждать. Вроде пронесло.

Чуть ближе к «якорю» двое десантников развернули орудия и открыли огонь по нему. Алеф выругался, включил связь и развернул экзоскелет.

— Боевая готовность! Экзоскелет в позицию четыре! Выдвигаемся врассыпную,

по сцепке доложить прямому начальнику, готовность че плюс один! — двое открывших огонь десантников вспыхнули и пропали в заряде «якоря». Алефа не задело. — Ранец на восемьдесят, топлива не жалеть! Обрато на «якоря» поедем! — Алеф сам первым включил тягу и рванулса вперед, судорожно вихляя между обломков.

На «якоря», наконец, сообразили развернуть «малозарядки», и теперь прицельно палили по опускающимся десанникам. На панели Алефа то одна, то другая точка пропадала с радара. В основном, это была молодёжь, но случались и знакомые имена.

Экзоскелет Алефа, сбавив скорость, ударился о корпус корабля, и он, перебирая лапами, направился к ближайшей пушке. Сорвав с плеча С-88, прилепил рядом с дулом и поспешил отойти. Огонь из пушки захлебнулся, дуло, расплавившись, сложилось пополам, а затем, оторвавшись, соскользнуло в космос. Алеф уже был у одного из окошек «малозарядки», закинул туда подарочек и направился к следующему. Бросать следовало через две — С-88 всё равно расплавит ближайших соседей.

«Зажигалок» в этот раз выдали тройную порцию, поэтому следующие полчаса Алеф, словно таракан, ползал по корпусу и выжигал орудия. Судя по показаниям панели, вместе с ним высадилось ещё шестнадцать десантников. Шестнадцать из тридцати четырёх — не особенно хороший результат, но они справлялись. Связь была отключена, в эфире стояла тишина. Никакого освещения, кроме естественного и вспышек атакующих зарядов. Никаких звуков, кроме собственного хриплого дыхания. Поэтому, когда вдруг стало темно, Алеф подумал, что это потемнело у него в глазах. А затем он поднял взгляд в космос и увидел, как небольшой защитный челнок плоскозадых, нависнув над ним, поворачивает свою маленькую пушечку прямо на него.

Прыгнув в сторону, Алеф подумал, что надо было, наверное, скинуть последние

четыре «зажигалки», тогда бы у него был шанс...

А потом вокруг стало светло и громко.

11.

Алеф сидел в приёмной Управления Кадрами и в задумчивости перебирал медали. Вокруг сновали люди в костюмах различного цвета, спешащие по своим делам, и совершенно не обращающие на него внимания. Стены были белые, с синей полосой на уровне лица — цвета флага Космического флота. Где-то жужжала муха.

— Старший сержант Лоуман?

— Я! — Алеф поднялся на новенькие ноги и торопливо козырнул.

— Не стоит, — девушка-капитан, на вид лет двадцати, махнула рукой. — Мы здесь по-простому. Проходите, майор Агапов вас ждёт.

Алеф подошёл к двери, приложил к виску руку.

— Товарищ майор, старший сержант Лоуман...

— Заходите, заходите, — толстый мужчина в синем пиджаке поднялся на ноги и протянул Алефу руку. — Мы тут по-простому.

Алеф пожал ему руку и присел на предложенный стул. Напротив него сидел человек в белом медицинском халате с полосками медслужбы. Он рассматривал какие-то бумаги и на Алефа внимания не обращал.

— Ну, значит, всё, покидаете нас? — майор улыбнулся.

— Так точно. По ранениям и за особые заслуги...

— Ну-ну, — майор всплеснул руками. — Понимаю, не надо объяснять. Всё понимаю, всё! Жена, детишки ждут — как не уйти! Война — войной, как говорится... — он хитро улыбнулся и подмигнул Алефу.

Алеф посмотрел на медика, затем — вновь на майора.

— Не понимаю ваших намёков, товарищ майор. Я...

— Просто Игорь Кузьмич, мы тут попростому, я же говорил... — майор придвинул ему пепельницу. — Курите?

— Не понимаю ваших намёков, товарищ майор, — с нажимом повторил Алеф. — Я честно отслужил шесть с половиной лет, плюс два года в учебной части. Если вы считаете, что три с половиной года мне списали несправедливо...

— Упаси Господь такое считать! — майор прижал ладонь ко рту. — Извините, неправильно выразился, конечно же неправильно! Моё дело вообще — не годы считать, а документы выписывать, правильно, товарищ полковник? — обернулся он к медику, и, не дождавшись ответа, вновь заговорил с Алефом. — Документы есть — я подписываю, а нет — так нет. Какое мне дело, почему один служит двадцать лет, а другой — два года?

— Я отслужил восемь с половиной, — Алеф почувствовал, что готов сорваться. — Двадцать пять боевых вылетов, шесть ранений, четыре награды, из них одна — «Золотая отвага», товарищ майор.

— Ну, не будем хвастаться звёздочками да орденами, сержант... — примирительно начал майор.

— Старший сержант, товарищ майор.

— Ну, я, в общем, мол, всё же сержантский состав... вон товарищ Ермаков тоже носит звание подполковника, но попробуйте ему сказать об этом, правильно, товарищ полковник?

Медик, которого майор назвал Ермаковым, поднял голову и посмотрел на майора.

— Занимайтесь делом, Агапов, будьте добры.

— Буду, буду! — закричал Агапов с какой-то даже радостью. Ермаков поморщился и вернулся к бумагам. — Я и рад заняться, да вот товарищ сержант... pardon, старший сержант всё перебивает, а я, хоть и в пиджаке, но всё же майор... ну да ладно, молодо-зелено...

— Я подчиняюсь только приказам прямых начальников и командиров, товарищ

майор, — Алеф встал со стула. — Если вам нечего мне сказать...

— Что вы, есть! Есть что сказать, так точно, разрешите выполнять! — Агапов вскочил на ноги и принялся усаживать Алефа обратно на стул. Тот сел. — Только вот не могу я вам подписать бумаги, не могу!

— Это ещё почему? — Алеф посмотрел на Ермакова. — Из-за товарища полковника?

— Так точно, есть, разрешите выполнять! — Агапов указал на медика. — Пока товарищ полковник бумажку не подмахнёт — не могу я вас отпустить, хоть расстреляйте!

— Товарищ полковник! — Алеф обратился к медику. — Разрешите поинтересоваться...

— Техника, — Ермаков оторвался от документов. — Перед тем, как покинуть вооружённые силы, вы должны были сдать всю закреплённую за вами технику, оружие и боеприпасы.

— Я и сдал, — Алеф указал на бумаги. — Документы прикреплены к моему личному делу, товарищ капитан расписался, так что...

— Да-да, вижу — челнок, экзоскелет, боекомплект... но, боюсь, это не всё.

Алеф смотрел на Ермакова, но тот продолжал копаться в бумагах. Тогда он повернулся к Агапову, но тот делал вид, что размешивает ложечкой сахар в своей кружке.

— Как это понимать? — Алеф расстегнул верхнюю пуговицу на кителе. — За мной больше не числится никакой техники.

— Ну как же, товарищ старший сержант. — Ермаков вытянул из стопки один лист и, найдя нужное место, пометил его ногтем. — Приспособление «конечность верхняя, модифицированная «2-РРД» шестипалая, левая — две штуки. Комплект для передвижения «Кузнечик» — один, модификация «вихрь»...

— Что за... — Алеф завращал головой. — Вы хотите сказать...

— ...комплекс многофункциональных устройств на основе псевдоплоти, — продолжал полковник, — включающий в себя оптический прибор «Ястребок», дыхательный аппарат «Амфибия-7», прибор искусственного слуха с повышенной чувствительностью и радиусом...

Алеф ударил кулаком по столу.

— Всё это моё! По условиям контракта, мне обязаны устанавливать протезы и псевдоплоть, заменяющие органы, потерянные во время боевых действий. Я могу показать контракт...

— Всё верно, товарищ старший сержант, — полковник, наконец, оторвался от бумаг. — Но, учитывая закон о градации техустройств от января позапрошлого года, при выходе на пенсию раньше положенного срока наше министерство обязано изымать все приспособления, имеющие боевое предназначение, а взамен выдавать демобилизованному их гражданские аналоги, — он повернулся к улыбающемуся Агапову. — Товарищ майор, покажите, пожалуйста, технические приспособления, которые мы должны выдать старшему сержанту по условиям контракта.

Майор с готовностью вскочил, подбежал к одному из шкафов, и, выдвинув панель, достал что-то, напоминающее белую длинную колбасу.

— Конечность верхняя, левая, немодифицированная, модели «Каскад-86». Установка и два года обслуживания — бесплатно. Конечность нижняя, левая...

— Это? Это... это рука? А где локоть и... остальные пальцы?

— Исследования, проведённые нами, показывают, что идеальное восприятие конечности будет даже в случае с тремя пальцами, при условии, что два из них — противостоящие, — размеренно проговорил Ермаков. — А локоть на этой модели и не нужен — в конечности нет твёрдых материалов, и она является верёвкообразным аналогом...

— Но тогда получается, что противостоящий палец один! — закричал Алеф.

— Нет-нет, что вы! Противостоящими пальцами считаются только те, на которых есть суставы и которые могут сгибаться...

Алеф открыл рот, хотел было что-то сказать, но затем сжал зубы и несколько раз вздохнул.

— Хорошо, — сказал он. — А если я хочу оставить протезы себе?

— И правильно! — майор быстро закинул белую колбасу обратно в шкаф и достал оттуда лист бумаги. — Всё правильно, отличный выбор! Вот, ознакомьтесь, — он сунул Алефу бумажку. — Прайс-лист!

Алеф опустил глаза и прочитал цифру. Затем прочитал ещё раз. Потом поднял глаза и посмотрел на майора.

— Это... за всё?

— За всё! — майор, улыбаясь, повернулся к полковнику. — Он спрашивает за всё ли это, вы слышали, товарищ полковник? Естественно нет! Это только за лицевой комплекс и внутренние органы. Дальше — за конечности.

Алеф посмотрел на лист и прочитал следующую цифру. Затем — следующую.

— У меня...

— У вас нет таких денег, вы это хотели сказать? — с готовностью подсказал Агапов. — Мы понимаем, понимаем. Для таких, как вы и существует система кредитования ветеранов.

— Кредитования? — Алеф подумал, затем кивнул. — Хорошо, я готов.

— Кредит даётся на пятнадцать лет. Больше, увы — не можем, сами понимаете, процент самоубийств среди инвалидов... — Агапов подsunул Алефу ещё один лист. — Вот здесь бумажечка, ознакомьтесь,

Алеф прочитал цифру.

— В месяц? — спросил он.

Майор улыбнулся ему.

— Я... — Алеф покачал головой. — Вся моя пенсия — и то меньше. У меня дети, и за квартиру надо платить.

— А вы найдите работу, — посоветовал Ермаков. — Так многие делают.

— Даже учитывая работу... у меня не хватит.

— Ну, — майор пожал плечами, — тогда откажитесь от чего-нибудь, — он протянул ему панель. — Просто вычеркните то, что вам не особенно нужно.

Алеф взял панель в руки и посмотрел на то, что будет с его лицом. Затем он посмотрел, на чём ему предлагают передвигаться. Несколько раз попытался было заговорить, но сразу же закрывал рот и заново перечитывал все характеристики. Наконец, он поднял взгляд на майора.

— Руки, — сказал он.

— Что, простите? — майор наклонился к нему. — Что вы сказали?

— Руки. Забирайте руки.

— Отличный выбор, товарищ старший сержант, — майор подождал, пока Алеф не распишется и взял из его рук планшет. — Без рук ваша пенсия почти полностью перекроет ежемесячную выплату... не считая пени, конечно.

Алеф смотрел на свои руки.

— Но вы же до этого не дойдёте, верно? — поинтересовался майор.

Алеф смотрел на свои руки.

Вот только эти руки ему уже не принадлежали.

12.

Ирма щёлкнула по панели и всплыло очередное окно. Она пробежалась по нему глазами и потянулась, чтобы его закрыть.

— Читай, — сказал ей Алеф.

— Тут... тут не подходит.

— Читай, — повторил Алеф. Он сидел на кровати, а на его коленях лежал уже заснувший Малыш. Гозек сидел рядом на полу и играл с какими-то машинками. — Вслух читай.

Ирма вздохнула.

— Курьер. Уборщик в мясной цех. Сторож в ночную смену. Кладовщик. Дезинсектор. Водитель уборочно-моечного аппарата. Консьерж в санузел торгового блока... Алеф, я...

— Читай, — сказал ей Алеф.

— Мясник в разделочный цех. Заменяющий почтальон на маршруте... нет, тут везде нужны нормальные руки... Гробовщик-мерчиндайзер. Продавец-консультант в отдел псевдоплоти. Чистильщик. Мойщик окон. Медбрат в доме престарелых... — она вдруг замолчала.

— Читай, — сказал ей Алеф. — Читай.

Ирма плакала.

Алеф рассматривал игрушки Гозека, пытаясь найти среди них космодесантника — и не мог.

— Читай, — вновь сказал он. — Должно быть хоть что-то.

Ирма вытерла слёзы, прижала ладони к вискам, вздохнула и вновь уставилась в панель.

— Разнорабочий на стройку. Чистильщик бассейнов. Газонокосильщик...

Алеф посмотрел в окно и увидел, как стартует корабль. Ему показалось, что оттуда кто-то смотрит ему прямо в лицо, но это чувство быстро прошло.

— Читай, — сказал он, продолжая смотреть в окно. — Читай всё.

13.

— Имя?

— Старш... — он осёкся. — Алеф. Алеф Лоуман.

— Руки покажи.

Алеф поднял руки, и молодой менеджер придирчиво их осмотрел.

— Два противостоящих — отлично. Не фонтан, конечно, но подойдёт. Иди за мной, — он обернулся, и Алеф пошёл за ним вдоль рядов жёстких металлических стульев. — Работа простая, много мозгов не надо. Отсюда, — он указал на спускающиеся с потолка трубы, — выходят поставки. Твоя задача — сортировать. Всё, что может ещё послужить — в зелёный отсек, всё металлическое — в чёрный, стекло — в белый, пищевое — в жёлтый... хотя там памятка есть на рабочем месте, считаешь потом. Служил?

— Что? — удивился Алеф.

Менеджер закатил глаза и вздохнул.

— Я говорю — в войсках служил?

— Так точ... То есть да, служил.

— Ну, в общем, тут об этом не вспоминай. Тут все равны, не то, что у вас. Есть и такие, что не служили, поэтому — никакой военщины. Вздумаешь медали напялить или ещё чего — вмиг вылетишь, понятно?

— А откуда ты знаешь...

— Вы.

— Что?

— Вы. Обращайся ко мне на вы, — менеджер развёл руками. — Не я придумал эти порядки, сечёшь?

— Секу, — Алеф сглотнул. — А откуда... вы... знаете, что у меня медали?

— Да тут почти у всех медали. Не удивил, — менеджер подошёл к одному из рабочих мест и выдвинул стул. — Вот — твоё место. Сидишь здесь, с девяти до девяти, обед — час, если куришь, то обед сорок минут, но зато — пять пятиминутных перерывов на перекуры. В туалет ходить можно, но вначале отпрашиваешься у кого-нибудь из менеджеров, понятно?

— Понятно.

— Ну, тогда приступай.

Алеф посмотрел на часы.

— Сейчас же восемь двадцать.

— Ну, значит, будет время заучить памятку, верно?

Алеф посмотрел на памятку.

— Верно.

— Сдача инструкций — через две недели. Не сдашь — до свиданья. Ты как, с памятью дружишь?

— Что? В смысле? — Алеф посмотрел на него.

Менеджер опять закатиł глаза.

— Ладно, разберёшься. Если что — я в кабинете. Только не вздумай заходить в рабочей одежде. И так в офисе воняет, окей?

И он пошёл по проходу, виляя задом в чёрных брюках с двумя идеальными стрелками. Алеф сел на свой стул и осматрелся.

Затем он стал читать памятку.

В восемь пятьдесят восемь кто-то прошёл мимо него и приземлился на соседнее место. Алеф посмотрел направо и его сердце, дёрнувшись, ударило в горло.

— Чич? — спросил он.

Чич повернулся, посмотрел на него и хотнул.

— Старший сержант Лоуман! И ты тут!

— Я... откуда ты...

— А ты ещё не понял? — Чич наклонился к нему. Верхняя часть черепа у него была квадратная. — Никуда мы не делись, брат! Добро пожаловать обратно в Космический флот!

Сверху что-то ухнуло, и все вокруг зашевелили дешёвыми конечностями, открывая приёмные люки, откуда на операционные столы всё вываливался и вываливался мусор.

Металл — в чёрный блок.

Пищевой — в жёлтый.

Пластик — в голубой.

В двенадцать сорок семь Алеф вдруг замер, протянул конечность и вытащил из груды мусора грязного, исцарапанного космодесантника, с отломанной правой рукой, грязного и жалкого. На плече игрушки он смог различить странного вида «зажигалку» с надписью «С-90», и подумал, что, наверное, кидать такую гораздо сподручнее. Затем Алеф перевёл взгляд на чёрные отверстия блоков.

Всё, что может ещё послужить — в зелёный.

Пластик — в голубой.

И всего на один мимолётный, но прекрасный миг, в тот короткий, сладкий момент, когда космодесантник исчезал в глухой бездне зелёного отсека, Алефу стало чуточку лучше, и он даже слегка улыбнулся, чувствуя, как тихонько скрипит псевдоплоть на его лице.

А затем он перевёл взгляд на стол и продолжил разбирать поставку.

Валерий Воробьёв Щипач

Большинство людишек остерегается ночного народа. Да и не зря. Поворачиваться спиной к оборотню, бхуту или носферату — глупость для теплокровных. И не только с хищниками осторожничают: редко встретишь чудиков, водящих дружбу с водяными и лешаками, блаженных, готовых крутить шуры-муры с наядами, мазохистов, связавших жизнь с суккубихами. И ни разу не слышал про извращенцев, притерпевшихся к вони зомбей. Хотя у зомбей свои пути-интересы, неуспокоенные не пользуются муниципальным транспортом...

А вот щипачи никак не пахнут. И места почти не занимают, росточком-то удались пониже горлумов, в час пик — поди, разгляди, взгляд соскальзывает. И мордочки у щипачей преумильные, ни дать, ни взять — юный хоббитёночек, отличничек, много читает и даже сочиняет стишки. Естественный отбор. Внешняя безобидность — что защитная окраска, глядишь, иной раз такого и бить пожалеют.

Для этой мелкой нечисти час пик — самое время кормёжки. Осуждать чужие пристрастия не берусь: тот трескает шпинат, этот хрумкает саранчу, иные ложками хлеблют мозги из живых мартышек. Щипач — сам от горшка, мартышку не осилит. К взрослому, зрелому человеку тоже не полезет, тем, которые лезли, шейки-то посворачивали ещё до ледникового периода. И ребёнком

кормиться поосторожничают, за детёныша мамаша на части порвёт. Вот и приспособились потреблять старушек. Этаким тихохонько, в тесноте толкучки, присосётся к вене под коленкой задремавшей бабуси... Та и не заметит, как остаток жизни уходит, уходит, а этот — сосёт, сосёт, и ведь не противно им, приспособились, небось даже вкусно. Что те пишачи-падальщики!

Да и народец-то чаще недолюбливает чужих стариков за их неудобство, особенно в транспорте, особенно в час пик. Бывает, что и заметят, а заступиться — промолчат.

Каждый ищет пропитания как умеет. Кто мается в лейтенантских детях, кто втохивает лохам плацебо под видом панацеи. Да те же гоблины-ростовщики — не лучше щипачей, жируют на чужой глупости. Пищевая цепочка. А как по-другому? Жизнь. Глупо осуждать. Но этот! В моём троллейбусе! В моём! Как посмел!

Я ухватил мелкого гадёныша за шиворот, оторвал от шеи задремавшего старичка и, раздвигая толпу, потащил к выходу. Децлик (хоть и дурак дураком, никакого разума, одни инстинкты!) почуял недоброе, сбросил умильную масочку, зашипел, оскалится остренькими зубками. Да куда ему! Потревоженный народец, шустро врубился в тему, и теперь каждый норовил побольнее спровадить кровососика к выходу: кто кулачком, кто локотком, а кто и коготками...

В общем, пока выбрались к передней двери, так и додавливать поганца не пришлось.

Жизнь — практичная леда, на вид скорее целесообразна, понеже справедлива. Нас, троллейбусных троллей, тоже изрядно недолюбливают. Да как без нас? Я обтёр с ладоней останки щипача, выбросил замаранный платок в мусорку и вернулся в салон:

— Господа пассажиры, приготовьте, пожалуйста, проездные документы для проверки.

Валерий Воробьёв: родился, вырос и живу в Минске без году полвека, почти без отлучек, хотя с детства мечтал о путешествиях. По образованию - инженер, МРТИ (ныне БГУ-ИР), 1991. Женат, обременён и т.п. Скромно работаю программистом. Хьюго и Небьюла пока не удостоен. Вообще похвастать по жизни особо нечем, да и не стремлюсь.

Евгений Дрозд

Ушельцы, а не пришельцы

Никогда не верил в зелёных человечков из других миров, которые вот уже несколько веков тысячами так и шагают на своих летающих тарелках в атмосфере нашей планеты, а на контакт с нами ну никак не желают выходить. Однако свидетельств наблюдений летающих светящихся сфер, сигар и тарелок накопилось слишком много, чтобы от них отмахиваться. Но, если отбросить 90, а может быть 99% явных фальшивок, галлюцинаций, ошибочных интерпретаций, когда за НЛО принимали стаи птиц, миражи и прочие оптические явления, и рассмотреть сухой остаток из тех сообщений, которым можно верить, то создаётся впечатление, что речь идёт отнюдь не о летательных аппаратах, сделанных из твёрдых материалов, пусть даже и по какой-то высшей инопланетной технологии, а о плазменных образованиях.

Достаточно типичное описание НЛО таково: светящееся образование, золотое, оранжевое, красноватое или с металлическим блеском, способное менять форму, мгновенно исчезать из вида, либо становясь невидимым, либо передвигаясь с громадной скоростью. Любой материальный объект, из каких бы прочных материалов он ни был бы создан, при таких ускорениях неминуемо разрушится. Поэтому давно уже выдвигаются предположения о плазменной природе этих объектов. Тут ничего нового нет. Вопрос лишь в том, что это за плазма и откуда она берётся? Почему эти объекты сохраняют свою компактность, не рассеиваются и демонстрируют порою какое-то квазиразумное поведение?

Тут уместно будет вспомнить, что французский философ, теолог и палеонтолог Пьер Тейяр де Шарден (1881-1955) выдвинул в своё время предположение, что

существует два вида энергии: «тангенциальная» — это энергия, понимаемая в привычном, физическом смысле, и «радиальная» или психическая энергия, которая обладает определённой формой, связана с усложнением структуры и с информацией, то есть, в каком-то смысле, с движением во времени, её можно передавать другому человеку или даже предмету (всякие шаманские, колдовские амулеты, обереги и талисманы); именно эта энергия (*прана*, *ци* в восточной традиции) поддерживает все жизненные и психические процессы во всех живых организмах, а после распада сформировавшего эту энергию биологического носителя она сама не рассеивается в пространстве, а, в силу свойства конвергентности и самоподдержания собственной структуры, продолжает оставаться компактным образованием, которое, если верить газетным сообщениям, имеет даже некоторую массу порядка нескольких грамм.

Логично предположить, что эти, высвободившиеся после смерти своего биологического носителя образования будут стремиться попасть в такое место, где смогут найти источник внешней «тангенциальной» энергии, которая давала бы им возможность продолжать существование в качестве такой отдельной и устойчивой лейбницеvской монады. Что ж, таким источником питания могут быть ионизированные молекулы и атомы атмосферных газов, а также свободные электроны, образующиеся под действием солнечного излучения в верхних слоях атмосферы — в ионосфере, особенно в двух главных её слоях с максимальной ионизацией — так называемом слое E на высоте около 100 км и слое F, лежащем на высоте 200-400 км. Там и обитают наши монады, возможно, сами по себе, а возможно, объединяясь в какие-то сложные структуры.

Если предположить что эти плазменные образования форматируются и превращаются в нечто цельное благодаря наличию в них контролирующей радиальной

энергии, то все вопросы относительно необычных свойств НЛО снимаются. Это не летательные аппараты иной цивилизации, пилотируемые щуплотелыми пилотами с огромными глазами, это не пришельцы из других миров, это порождение нашего мира, наши же ушельцы, проявление инобытия всех ушедших поколений.

В описаниях встреч с НЛО интересен момент влияния на психику свидетелей со стороны объекта. Косвенно это является признаком наличия какой-то психической активности в самом объекте. То ли рудиментов мыслительных процессов тех людей, чья освободившаяся после смерти биологического организма радиальная энергия объединилась в этом объекте, то ли зачатков новой, нечеловеческой психики. Иногда это воздействие носит позитивный характер — человек испытывает своего рода эйфорию, но чаще всего

свидетели рассказывают об угнетающим воздействии, о страхе, о расстройствах здоровья как следствии контактов с НЛО. Ну, и конечно, существуют сотни и тысячи рассказов так называемых «контактёров», которые, вступив в контакт с НЛО, общались с управляющим ими разумом. Рассказы эти на редкость однообразны, информация, получаемая в них настолько убога и примитивна, что стыдно становится за умственный уровень так высоко развитых цивилизаций, создавших столь совершенные транспортные средства, но отдающие их в руки полных идиотов. Но я уже говорил, что не верю в то, что НЛО — это транспортные средства инопланетян. Может и не все рассказы «контактёров» выдуманы, но в тех случаях, когда действительно имел место контакт НЛО и человека, НЛО, обладающее, как мы уже говорили, какими-то психическими свойствами, служило своего рода ментальным зеркалом для человека и показывало ему убожество его собственного сознания и подсознания. Отражало и в усиленном виде транслировало назад собственные страхи и стремления «контактёра».

Повторяю — сколько я ни читал рассказов так называемых «контактёров», никакой — *абсолютно никакой!* — новой информации они не содержат. Это косвенно свидетельствует в пользу моей версии, что НЛО на самом деле вовсе не продукт инопланетных, инозвёздных и иногалактических цивилизаций, а наше же собственное порождение. Плазменные объекты, контролируемые радиальной энергией и являющиеся кирпичиками, из которых шаг за шагом создаётся грандиозное построение — единый всепланетный разум, или **ноосфера**, в которой обретут гармоническое единство все когда-либо жившие на нашей планете разумные существа. И естественным центром организации этой несказанной гармонии станет точка **Омега** — этот стыдливый синоним Бога в терминологии Тейяра.

ISSN 2308-894X

9 772308 894001 00113